

25 апреля 1929 г. 34 25 квітня 1929 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ОЙ РІК ВИДАННЯ 2-ИЙ

М. Битинський

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. *О. Олесь:* Микита Кожум'яка. Казка.
2. *Владимир Поляков:* *** Стихи.
3. *А. Троицкая:* *** Стихи.
4. *Борис Кундрюцков:* Братья-казаки.
5. *Гнат Макуха:* *** Стихи.
6. *Николай Букин:* *** Стихи.

7. Горбатого могила исправит.
8. Инж. *Бейсуг:* К проблемме нашего экономического возрождения.
9. *С. Галданов:* О вождях и о „вождях".
10. *А. Стремянной:* Откуда взялись „червонные казаки".
11. *Ф. Штовхань:* На Черноморском побережьи.
12. *П. Нос:* Случайные встречи и разговоры.
13. *Б. О.:* Странички прошлого.
14. Думы и мысли. *А. Донец:* Слушай. *Б. Кундрюцков:* Можно-ли молчать.
15. Казачьи песни.
16. Международная жизнь: СССР и нефть.
17. Казачья эмиграция.
18. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво".

Белград. — Б. К. — Получено. Ответ будет письмом. Привет!

Югославия. — Г. А. — Получено. Привет!

София. — П. Н. — Получено. Ответ послан. Привет!

Польша. — І. С. — Одержали. Вітаємо!

Далмация. — В. К. — Получено. Пойдет. Привет!

Франция. — С. Ответ будет послан письмом.

Париж. — Е. К. — Ответ будет послан письмом по получении журнала.

Румыния. — В. Е. — Материал получен. Ответ — письмом. Привет!

Польша. — Е. К. — „Письмо" получено. Будет помещено в следующем номере.

Югославия. — О. П. — Листа одержали. Дякуємо. Пригодиться.

Підкарпаття. — Одержали. Вітаємо!

Братислава. — И. Б. — Ждем обещанное. Привет!

Брно. — В. П. — Получено. Привет!

Югославия. — М. З. — Письмо получено. Привет!

Болгария. — Н. Т. — Старые номера журнала „В. К." могут быть высланы только за плату.

Комплекта, к сожалению, не можем составить, т. к. некоторые номера уже разошлись.

Брно. — А. П. — Часть ответа послана. Другая — будет послана. Привет!

Албания. — К. — Посылается. Привет!

Румыния. — Б. — Денег, переведенных Вами на имя М. Ф. не получили. Стихов — тоже.

Подписную плату лучше всего направлять представителю журнала в Румынии.

София. — З. — „К... вопрос" получен. Пойдет! Привет!

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В РУМЫНИИ
В. П. Елисеев.
Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ЮГОСЛАВИИ
Б. А. Кундрюцков.
Београд, Кочина ул., 1.

В БОЛГАРИИ
П. В. Нос.
София. Антим I, 75.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ
Ив. П. Егоров.
21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et C-ie, Editeurs. 13 Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Редакция ж. „В. К." просит всех казаков, обращающихся к ней по тем или иным вопросам, не забывать в каждом письме обязательно четко и ясно писать свой адрес.

От редакции. Редакция просит читателей „В. К." присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков заграницей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция". Фотографии должны быть четкие и ясные.

LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

№ 34 *Прага, четверг 25-го апреля 1929 г.* *№ 34*

О. Олесь

Микита Кожум'яка.

Всі права автором застережені.

Казка в 4 картинах.

І. Картина.

Палати Князя.

Дівчина. Сумний наш Князь, сумний наш Князь,
Лягли йому на чоло хмари,
Неначе ждуть нас знов удари,
Неначе знов орда знялась...
Княгиня. Ах, я так серцем не боліла,
Коли орда в степах кипіла.
І він з мечем і на коні
Літав орлом між ворогами,
А кров червоними квітками
Цвіла на дикім бурьяні.
Тепер же я горю в огні, —
Невже віддати мушу Змію
Дочку мою, красу, надію,
Сама згубити її мушу...
Ах, краще б взяв мою він душу...
Дівчина. Лишіть... Послухайте мене:
Ще може лихо і мене,
Ще може найдеться в державі
Юнак хоробрий, молодий,
Що й сам повернеться у славі
І вславить трон ваш золотий.
Хай Змій віки уже лютує, —
Всьому на світі край свій є...
Княгине! Серце моє чує,
Що Змія лицарь той уб'є.
Княгиня. Покинь свої химерні мрії
І в очі правді подивись:
Прийшла черга — і смерть надії,
І не змагайся і корись...
От-так колись черга настане
І згину я, і згинеш ти...
Дівчина. Чому ж увесь народ не встане
Страшного ката роспьясти?!
Хай має він залізні руки,
Хай має безліч він голів,
Нехай страшні народні муки, —
А ще страшніш народній гнів.
Княгиня. Мовчи... бо стіни мають вуха...
І що... коли нас Змій підслухав, —
Удвох загинем в одну мить...
Дівчина. Ах, в серці кров моя кипить!
Коли б Князівну врятувати,
Я б не боялась самострати...
Княгиня. У тебе серце золоте...
Мовчи... Здається, хтось іде...

(Дівчина, угледівши на порозі Князя, виходить).

Князь. Недобрі знов у тебе очі...
Чому?! від сліз... не спала ночи?
Тому моя й журба подвійна...
Княгиня. Ні, Князю мій! ні, я спокійна.
Князь. Спокійна... ти... а де ж вона?
Княгиня. Сидить в задумі край вікна
І в простір дивиться кудись...
А очі слізьми налились...
Князь. Невже країна вся байдужа,
Невже у нас немає мужа
Палкого серцем, молодого,
Який би зважився на двобій,
Невже не знайдеться никого
В державі нашій молодій?!

(Входить Джура).

Князь. Що сталось, Джуро? Чийсь гонець?
Джура. Атож! Від Змія посланець.
Князь. (*до Княгині*) Іди собі в свої покої.
Княгиня. Ах, не минути долі злої... *(виходе).*
Князь. Хм! Посланець?!. від Змія... Кличь!
Джура. Такий він чорний, як та нічь!..
Такий зубатий, та окатий...
Князь. Дарма... іди, зови в палати.
Посланець. (*входе*). Наш пан, Великий Володарь.
Землі й самого пекла царь,
Прислав мене тобі сказати,
Що мусиш ти дочку віддати...
Лишає він тобі три дні...
Оце сказать звелів мені.
А що мені сказати Пану, —
Кажи, бо так я не одстану.
Князь. За три дні відповідь я дам...
Яку... твій Пан почує сам.
Посланець. Гляди! накличеш ще біду...
Дивися сам... так я піду. (*виходе*).
Князь. Щоб нарешті Ката-гада
Наш позбавився народ,
Джуро! скликать воевод:
Нині ввечорі нарада.
Джура. Воєводи на дворі
Ходять, радяться, міркують,
А у Змія на горі,
Кажуть, з ранку бенкетують. (*пішов*).
Князь. Відчуваючи зарані,
Що у їх бенкет останній!..
Княгиня. Що — пішов?
Князь. Пішов, здається.
Княгиня. Як у мене серце б'ється!
Що ж було тут — роскажи...

Князь. Та нічого... Залиши.
Мусить бути те, що буде...
Княгиня. Як горять у мене груди!..
Келих випитий до дна...
Вся отрута... ах! вона!
Князівна. *(входить).*
Мамо, тату! Не журіться!..
Ви навколо подивіться:
Смерть зливається з життям,
Розцвіт тут, занепад там...
Хай я згину в пащі Змія,
Та в мені живе надія,
Що загине й він колись,
І потоки людських сліз
Згодом висохнуть росою..
Княгиня. Доне, донечко, з тобою
Хтось на вік розлучить нас...
Чи ж коли настане час,
Що тебе углежу знову
І голівоньку шовкову
Знов до серця притулю,
Чи напоєна журбою,
Тільки сльози розілью,
Сиву голову схилю...
Князь. Ні, до зброї, до двобою!
Зараз скличу воєвод
І коли вони безсилі,
Схилять голови похилі,
Підніму я весь народ!
Або більше я не князь.
Джуро! Слухати наказ:
Всі столи єдвабом вкрити,
Воєвод сю мить просити.

II. Картина.

Велика світлиця в палатах Князя. За столами сидять воєводи.

Князь. Воєводи, в горі, в тузі
Вас мої і слуги й друзі
Скликав я на раду днесь...
Я не сам, народ увесь
Просить вас пораду дати
Як державу врятувати,
Як скрутити Змія злість,
Бо він всіх нас переїсть.
Ви згадайте скільки кращих
Вояків пропало в пащі,
Скільки в розквіту дівчат
Йде що року з наших хат.
За яку, скажіть, провину
Мусим ми платить данину?!
За що кров з нас смокче Змій?
Воєводи: на двобій!
Що черга Дочці, — байдуже,
Хай моя Княгиня туже,
Все дарма... Але неволі
Мусим крикнути „доволі“,
Досить вам зубів і лап!
Хто не бореться той раб!
Воєвода А. Мусим ми скоритись долі —
Вітром гнеться й дуб у полі.
Воєвода Б. Гнулись ми, та досить гнутись:
Час до вітру обернутись!..
Воєвода В. Правда! Час підставить груди:
Хай що буде, те і буде!
Мусить статися двобій.
Воєвода Г. Хай загине лютий Змій!
Воєвода Д. Мусить край настати Змію!
Князь. Бачу, слухаю, радію.
Але хто себе и зброю
Вкриє славою ясною?!

(Тиша).

Воєвода Б. Що ж замовкли, люде добрі?!
Є ж у нас борці хоробрі!
Їхні руки з криці куті...
І як звірі, в гніві люті.
Воєвода А. Їхні руки, кажеш, з криці!..
Чув вже я... лиши дурниці,
Досить тих борців хвалити...
Краще — де вони — вкажи ти,
Їх, на жаль, у нас немає...
Джура. *(входе)* Дід там... Справу пильну має,
Хоче Князю щось сказати.
Князь. Що ж? гаразд! Зови в палати.
Вибачайте, воєводи,
Що нараду перервав.
Воєвода В. „В лихоліття всі до згоди“,
Колись батько мій казав,
Хай земля йому пером!
Дід. *(входе)* Бью я Князеві чолом,
Бью чолом і воєводам.
Чув я, Князю мій, що ти
Перестав спокійно спати,
Що до тебе йдуть свати,
Щоб Дочку твою узяти.
Воєвода А. Тут не місце жартувати!
Дід. Я, панове, не жартую,
Не для жартів я прийшов:
Я до Князя в серці чую
І пошану і любов.
Воєводи! Не годиться,
Щоб віддав дочку наш Князь...
Треба з лютим Змієм биться,
Щоб не жер він більше нас.
Князю! треба вбити Гада!
Князь. Ось про це і йде нарада...
Але хто б на бій пішов?!
Дід. Змія б син мій поборов.
Князь. Що ж — він дужий?
Дід. Та не знаю,
А подужав би, гадаю.
Всі сини моі, панове,
Молоді, міцні, здорові,
А найменший — щось страшне!
Вже трьох літ боров мене!
... Раз колись коня мій син
Перекинув через тин.
... А сердитий!.. тільки слово, —
І скипів, і вже готово!
Що підвернеться під руку, —
Все потрощить, як макуху!
Скажеш: „Сину, час вставати
І тікай, тікай із хати,
Бо, що трапиться на очи,
Те тобі й на спину скоче!
Сміх і сльози... Чулий, добрий
І розумний, і хоробрий,
І всіх любить нас, либонь,
А зачепиш, — як огонь!
Князю! в мене є надія,
Що подужає він Змія.
Князь. Ах, коли б він гада вбив,
Я б тебе озолотив!
Незабаром замісць хати,
Мав би ти, старий, палати,
Мав би коней і волів, —
Все, що тільки б захотів...
Дід. Не прошу нічого в тебе,
Та мені його й не треба;
Я хотів лише тобі
Помогти в тяжкій журбі...
Князь. Ох, старий, тяжка година.
Що ж... покличь до мене сина.
Дід. Що б пішов він?! та ні за що:
Не послухає, ледащо,
Він не встане і з стільця.
Князь. Що ж — послати посланця?!
Дід. Де там?! знаю я синів:
Шли дванадцять посланців,
Шли найкращих, молодих, —
Не послухає — старих!
Як не вийде знов нічого,
Шли малих дітей до його.
Наймиліш йому дитина!..
От такого маю сина!

Князь. Все зроблю, сивенький мій, —
Тільки б завтра був двобій!
Я на все, старий, готовий!
Прощавай, іди здоровий.
Воєвода А. Цей убьє напевно Гада!..
Князь. Що ж... Скінчилася нарада...
Дуже ви допомогли...
Але є ще в нас орли,
Та не тут, не в цій палаті,
А в мужицький простій хаті!

(*Князь встає і виходе. Разом з ним встають і воєводи з ніяково похиленими головами*).

III. Картина.

Подвірря Кожум'яки. Сини при роботі.

1-й Син. (*співає*)
На городі мак цвіте,
А волошка в житі.
Любить дівчину юнак
Над усе на світі.
Одружився б з нею він,
Взяв її до дому,
Та далеко до зорі
Місяцю ясному.
2-й Син. Гарна пісня, — що й казати...
І чому на світі так:
Любить дівчину юнак,
Та не може її взяти.
3-й Син. Вибірати треба рівну,
Не зважаючи на смак...
Ось, Микита наш, дивак —
Покохав собі князівну.
4-й Син. Тихше: може він почути,
І тоді — нещастю бути.
Вхопить шкуру та як тріснє;
Дух твій вийде, ані писне!
3-й Син. Коли шкурою вже лясне, —
Надобраніч сонце красне!
1-й Син. А ви чули чутку дивну,
Кажуть люде, що князівну
Завтра Змію віддають, —
У палатах сльози ллють!..
2-й Син. Що робить? Прийшла черга
Невблаганна, грізна, люта...
Ех, коли б оця рука
Та була з заліза кута!
4-й Син. Таку руку має він,
Наш найменший брат, Микита.
Не з заліза — з криці лита!
Переміг би він один...
1-й брат. Гей, Микито, чуєш ти,
Що Тарас про тебе каже?!
Коли б ти схотів піти...
Переможеш, Змій поляже.
Зважся, з силою зберись
І на Гада!
Микита. Одчепись...
Батько. (*входе*)
Гарно, сину, дуги гнеш...
Це сьогодні уже п'яту?!.
(*До другого*)
І ти добре шкури мнеш...
Що ж?! Нову збудуєм хату,
Купим пару ще волів,
Та новий поставим хлів.
А Микита?! Цей відразу
По дванадцять шкур бере...
2-й Син. З його сила так і пре:
Він поміг уже й Тарасу...
4-й Син. Ех, цю б силу та на Змія!
Та чомусь плоха надія...

(*Входять 12 парубків*)

Один з них. (*до старого Кожум'яки*)
Князь великий нас послав
І чолом звелів нам бити
До твого синка Микити,
Щоб він відповідь нам дав.
Князь довідавсь, що твій син
Неймовірну силу має,
Що в державі він один
Ката-Змія подолає.
(*До Микити*)
От же князь хотів би знати, —
Чи ти підеш на двобій,
Бо Князівну нашу взяти
Після завтра хоче змій.
Що звелиш сказати Князю?!
Не вагайсь, — кажи відразу:
Будеш ти з тим Гадом биться?..
Що ж мовчиш ти?..
Микита. (*вве 12 шкур*) Одчепіться!..
Геть! немаю я охоти
Розмовлять під час роботи.
Старий Кожум'яка. (*до парубків*)
Кепсько... ви мовчіть тепер...
Тихо йдіть собі до дому,
Бо не спустить він нікому!
Бач: 12 шкур роздер.
(*Парубки з похиленими головами пішли*)
Батько. Сину, сину! що ж це буде?!
Це ж були від Князя люде...
Не гаразд, мій любий сину...
Микита. Слово ще — й робити кину.

(*Входить дванадцять дідів*)

Один з них. Князь прислав нас до Микити
І звелів чолом нам бити! (*Вклоняє*
Довго Князь марнів від суму,
Все мовчав і думав думу,
І надумавсь він повстати
Проти Змія, проти ката.
І почав він добиватись —
Хто б міг з Гадом потягатись.
І повірите: пів світу
Показало на Микиту.
Кажуть: другого немає,
Він і біса подолає.
Згляньсь на князя, край спаси...
Яку ж відповідь даси?!
Микита. Ходять, лазять, заважають,
Від роботи одривають,
Хоч покинь, та з двору йди...
Батько. (*Пошепки до дідів*)
Йдіть... бо близько до біди!
Микита. Знов набилось повний двір...
Через вас дванадцять шкір
Вже подер... хіба не шкода?!.
Батько. Йдіть, бо станеться пригода.

(*Діди пішли*)

Батько. Що це, сину?! Глум, пиха?
Микита. Не доводьте до гріха!
Батько. Я мовчу... не хочеш битись, —
Будем Змієві коритись.
1-й Син. Бачуть: робить, — почекайте,
Не схотіли, ну, так майте.

(*Входить дванадцятеро дітей*)

Дівчинка. Нас прислали до Микити...
Ми прийшли його просити,
Де ж він?! той, що дуги гне...
Батько. Ось він, діти, шкури мне...
Дівчинка. Князь, Княгиня і Князівна
Низько б'ють тобі чолом.
Налети орлом на Змія,
Вбий його своїм крилом.
Коли кращу від Князівни
Найдеш квітку на весні
І коли темніше неба
Її віченьки ясні,
Коли є коралі в морі
Червоніше уст її,
І коли від неї краще
Заспівають солов'ї, —
То не йди... вона й не хоче.

Коли ж чуєш правду ти,
На двобій ти з лютим Змієм
Мусиш, лицарю, піти.
Все ти матимеш, що схочеш,
Зробить Князь для тебе все,
А вона тобі в дарунок
Власне серце принесе...

Микита. Скарбів, діти, я не хочу...
Що б робив я з скарбом тим?!.
Недосяжна зірка в небі,
Хоч і сяє вона всім.
Ідіть, скажіть ясному Князю
Що іду я на двобій,
Що поміряюсь я з Гадом,
Хоч і дужий, кажуть, Змій,
Йдіть, скажіть, що за хвилину
Я у Князя на дворі
Хочу спробувати силу,
А у ранці — на горі.

Дівчинка. Низько б'єм чолом Микиті...
Ще не вмерла правда в світі,
Вогник віри не погас...

Гонець (*вбігає*)
Люде добрі! лихо в нас!
Прилетів на крилах Гад
І Князівну вкрав з палат!..

(*Всі наче закам'яніли*)

IV. Картина.

Майдан за містом. Вдалені, на горі, химерний замок Змія з ріжнокольоровими, освітленими огнями, вікнами. Ліворуч по-під горою частина міста. Ледве починає розвиднятись. Юрба, яка, що хвилини, збільшується.

І-й. Ось тут, ось тут ставай:
Все видко звідси буде,
А ти не заступай:
Хай дивляться і люде.

ІІ. Народу звідусіль
Іде сюди без ліку,
Ідуть із міст і сіл
Дивитись на потіху.

ІІІ. Хотілося б піти
До замку, аж на гору...

ІV. І смерть собі знайти,
Але вже певну й скору.

V. Та там тебе чорти
У мить на вила схоплять,
Розірвуть, як хорти,
Або в смолі утоплять.

ІV. А скільки їх прийшло
До Князя у палати!..
І Князю довелось
Дочку свою віддати.

ІІІ. Коли б це в день було,
Ми б шлях їм показали,
А то в ночі прийшли,
Коли всі міцно спали.

ІІ. Та де там! Серед дня
На крилах Змій прилинув,
Ккязівну ухопив
І наче в прірву згинув.

1-а Дівчина. Сьогодні Князь ішов,
Мовчав, сховавши муку,
Княгиня ж — як та ніч...
Її вели під руку.

2-а Дівчина. Я бачила в дворі
Микиту Кожум'яку:
Сміється, крутить вус, —
Ні крихти переляку!

3-я Дівчина. Залізну булаву
Всю ніч йому кували,
Нещасні ковалі
І стілечки не спали.

1-й голос Здається, ось ідуть,
Княгиня з Князем поруч...
Микита шапку зняв,
Пішов собі праворуч.

1-а Дівчина. В палац! До замку йде!
Ой, лишенько, ой, горе!
Та що ж це буде з ним?!
Та він же не поборе!?.

Парубок (*з дерева*)
Погляньте: став, як дуб
І стукає в ворота...
Змій виглянув з вікна
І сипить іскри з рота!!!

Голос. Князь! Князь! шапки з голів...
Дорогу! розступіться!

Ще голос. Княгиня також з ним
Іде на бій дивиться.

Князь. Добридень вам усім!
Усіх тут вас вітаю...
В страшний, трівожний час
Я шапку вам скидаю.

Дід. Б'ємо тобі чолом,
Б'ємо й твоїй Княгині!
Минало тебе зло,
Мине тебе і нині.
Я Змія знав здавен
І силу його знаю:
Микиту щоб побив, —
Я, Князю, не гадаю.
Хіба що Змій огнем
Микиті спалить очі,
Та хлопець він — верткий
І набік в час відскоче.

(*Князь з Княгинею пішли наперед*)

(*З дерева*) Ой, гляньте, гляньте: Змій!
1-а Дівчина. Ой, лишенько, дивіться!
2-а Дівчина. Який страшний та злий!
І в сні таким не сниться.
Голос. Микита одступив...
2-а Дівчина. Невже це з переляку?
ІІІ. Голос. Микита не здрігне:
Я знаю Кожум'яку.
V. Голос. Посипав іскри Змій,
Горять, в горі літають,
Мов снігом золотим
Вітри у полі грають.
VII. Голос. Схопились... ай, ай, ай!
Одскочили і стали...
Стоять і ждуть...
VIII. Голос. Ну, що ж?
Хоч боки розімняли!!
Голос. Дивіться! буде щось:
Микита наступає,
Тримає булаву
Змій лапи потирає.

(*Гук від удару*)

Голос. Ага! ото дістав!
Дісталось і Микиті!
Дід. Це мабуть перший бій
Такий на цілім світі.
Ще хтось. Ай, як розгнівавсь Змій!
Пустив, дивіться, пару,
Мов курява знялась.
О! знову кинув жару!

(*Чути гупання булави*)

(*З дерева*) Не видко, а ні, ні!
Вся площа димом вкрита... (*павза*)
Дивіться: Змій упав,
Спіткнувся і Микита.
Голос. Схопились знов! ай-ай!

(*чути бух, бух, бух*)

Ну, тут вже буде край!
Ще хтось. Погляньте: Змій звалився!
Це, мабуть, добре вшкварив!
Микита Змія взяв, —
Ще раз об землю вдарив. (*Гупання*)

(*Люде весь час ворушаться, деякі пробують злізти на дерева, матері піднімають вгору дітей*).

(*З дерева*) Як мертвий Змій лежить...
Лежить і не здрігнеться...

Микита вбоки взявсь,
Стоїть собі й сміється,
Крики. Слава, слава, слава.
Слава, слава Микиті!
Хай живе Князь!
Хай живе Микита!
Слава, слава, слава!
Голос. Микита, вже з палацу йде
І на руках виносить...
Крики. Князівну, Князівну!
Князівну несе!
Хай живе Князь...
Хай живе Княгиня!
Хай живуть Микита і Князівна!
Слава, слава!

(*Крики дужчають, ростуть, зливаються. Микита спускається з гори з Князівною на руках. Займаються палати Змія. Народ рвонувсь назустріч*).

Horni Černošice. (*Завіса*).

Владимир Поляков.
(Брно).

* * *

Вдали от Родины и нас вскормивших берегов,
Вдали от Тихого, Седого Дона,
Вдали от наших матерей, отцов,
Не слышим мы вечернего трезвона.
Не видим мы родимых куреней,
Не мчимся на конях по ковылю на воле,
Не слышим аромата мы родных степей, —
Такая уж казачья наша доля.

* * *

Когда земля оденется земным покровом,
Что-б отдохнуть во тьме ночной от суеты,
Кто-то зовет меня надрывным зовом
Из жуткой полунощной темноты.
В пространство вперив взгляд, гляжу я безнадежно;
Свое мне сердце хочется разбить в куски.
Ах! Если-б невозможное вдруг сделалось возможным,
Чтобы не знать мне больше злой тоски!

А. Троицкая.
(Прага).

* * *

Отчего так пригнулась зеленая ива
К голубому, стальному ручью?
Золотится-ль твое отраженье игриво,
Будто ты облеклася в парчу?!.
Иль туда тебя тянет неведома сила,
Иль песчинки ты хочешь считать,
Иль глядеться в него до сих пор не постыло,
Иль привыкла к нему ты, как мать?
— Нет! песчинки на дне не считаю,
Сини воды не манят меня...
Песне тихой ручья я внимаю, —
Эта песня чарует меня...
В этой песне прекрасной поется,
Как чужие мне люди живут,
Как по небу птиц стая несется,
Как стрекозы кружатся, поют!..
. . . . . .
В этой песне вся жизнь настоящая,
Точно в сказке — царевна прекрасная...

Борис Кундрюцков. (*Белград*).

Братья-казаки.

(Отрывок из сожженного романа: „Братья-казаки“).

. . . . . .

... Чудный сон приснился мне!.. Идем будто мы по степи от моря, домой на Дон. Много нас... И вот, по дороге, навстречу — старик с седой бородой, в рыжей папахе, в старом, старом синем чекмене. Оглянулся я кругом — все свои, и больше нас — молодых, а он едет старый такой, худой...

Мы хоть и утомленные с дороги, а круглолицые, здоровые. И какая-то тоска схватила за сердце, будто я в чем-то виноват, а в чем — не знаю. Не пойму... Не могу дать себе отчета... Мучались-же и мы, заграничники, тосковали, работали, как каторжные, а все же, что-то щемит сердце, — что наше в сравнении с ихним?

И вот гляжу — сбоку Сашка идет с блестящим от пота лицом и все в степь всматривается, будто не узнает. Свою-то, донскую степь не узнает... Да вдруг как выпрямится, посмотрел на нас, на под'езжающего казака старика и... запел.

Резко и странно зазвучала песня. Подняли мы головы, вздрогнули...

— По дорожке пыль клубится...

Будто в душу кто кулаком ударил, невольно, понимаешь, невольно подхватили все, громко, гулко, с подголоском, со свистом... А в свисте, а в подголоске — слезы... Так и звенят... так и рвутся... Домой, ведь, идем...

— То с набега удалого
Едут сунженцы домой...

Быстрей пошли к деду, а он нахмурился, остановил коня, сверкнули внимательные степные глаза и стал снимать с себя винтовку... Выдвинулся я, прямо на него иду... Стоит он, поджидает. А песня дальше льется:

— Ли-шь один казак не весел,
Смотрит круглой сиротой!..

Дошел до старика с поднятой головой, а он винтовку мне:

— На, возьми, сынок.

Будто беру... Снимает шашку, — дает другому. Сашку на коня посадил, взял знамя наше — сине-желто-красное — и стал впереди. Волосы седые по ветру треплются, — и папаху отдал дед.

— Заждались мы вас, любезнаи... И дальше мы, и шаг наш стал тяжелей и суровей, и песня сильней, и сильней:

— Это горе нам не в горе,
— Мы привыкли в горе жить...

И опять нам навстречу старик, а за ним другой, и еще, и еще. И все нам свои старые казачьи доспехи раздают, какие у нас за границей истрепались и растерялись. А сами сбоку идут, за наши стремена держутся... Лампасы горят... Шашки сбоку, все уж мы на конях, много нас, ух как много. А мы-уж...

Сергей остановился и вдруг уронив голову на руки — зарыдал.

— А дальше? — спросил Александр, хмуро и упрямо смотря в сторону; — ну, что-же дальше? Да говори — ты!

— И будто много нас, а все больше и больше прибавляется и все знакомые, все родные, И все поют... А потом дед, передний, седой, тоже запел. Но

что-то другое. Запел своим старческим дребезжащим голоском. Запел, как молитву...

— Славься Дон и в наши годы
В память вольной старины
В час невзгоды, честь свободы...

Массой движутся казаки, так, что в степи тесно нам, а всем слышен его слабый голос. Слышен сквозь гул шагов и конский топот. И покатилось по рядам нашей огромной, обнявшейся семьи, волной:

— В час невзгоды, честь свободы...

И до меня дошло лишь слово: с в о б о д ы. И подхватил я его, и всю, всю силу свою, и все чувство вложил я в это слово.

Пропел и... проснулся.

Поднялся на досках, так слышал еще, как уходя от меня, в душе моей, потрясенной, замирало, стихало тысячеголосое эхо:

— Отста-аят твои сыны...

Вот и все... И весь... сон.

— Да-а, протянул Александр, посмотрел на брата, на кончики своих сапог и, поднявшись, тихо вышел из камеры.

Когда брался за скобку, повернулся боком и на левом рукаве, особенно ярко, вырисовалась пяти-конечная звезда.

Вышел. Захлопнулась тяжелая окованная дверь и по корридору, как хлопушка, треснул выстрел. Покатился по потолку и... замер. Кто-то из дальнего угла, затканного паутиной, сверкнув знакомыми с детства, родными глазами на Сергея, прошептал: прости!..

. . . . . .

Гнат Макуха.
(Югославія).

* * *

О, милий брате мій, козаче!
Чого ти гинеш в чужині? —
Там, в рідній краї, жінка плаче,
А діти бачуть тебе й в сні.
Там ясно світить рідне сонце,
Трава там рідно шелестить,
Там рідна хата і віконце,
І дуб по рідному шумить;
Там очерети по лимані
З кугою рідно шепотять;
Там хвилі Дона і Кубані
Про рідне, брате, гомонять;
Між скель там з рідними горами
Балака Терека вода
І вкритий вічними снігами,
Казбек на Рідний погляда.
Там вітер рідний дує з моря,
Азовське рідно стугонить...
Без лиха, туги, и без горя
Там, милий брате, будеш жить.
Так йди туди, забравши зброю, —
Країні волю добувай!
За правду піде й Бог з тобою
Й щасливим зробить Рідний Край!

Николай Букин.
(Югославия).

* * *

Нет... не видеть лучше света,
Чем Край свой солнечный дарить
Тому, кто многи, многи лета
Старался Воли нас лишить...
Да... не бывать тому вовек!
Ты помни это, милый Дон,
Что краше в мире тебя нет,
И что разлука наша — сон.
Но, сон не тот, каким Россия
Спала века и спит теперь.
Наш сон — борьба, одна стихия —
Иль вольным быть, иль умереть...
Как умирал Степан на плахе,
Не дрогнув гордой головой,
Иль Булавин, в своей папахе
Сраженный пулей роковой...
Так всколыхнись же Дон Родимый
За Волю-Волюшку былую!
В тебе огонь неугасимый
Пылал всегда за Честь святую...
И в славный час Освобожденья
Ты нас, изгнанников, зови:
Ты будешь наше Воскресенье,
А ты нам, Боже, помоги!..

Горбатого исправит могила.

(Английская делегация).

При напряженном внимании европейских политиков отправлялась английская делегация в Москву. Было чего насторожиться и прессе. Ехало, ведь, несколько десятков представителей финансового капитала, торговли, тяжелой и легкой промышленности Англии. Ехали люди, соединенные богатства которых могли бы вдунуть дух в экономически-мертвое тело и такого огромного организма, как СССР. Неудивительно, что многие ломали себе голову о целях поездки, ее последствиях, о том, можно ли верить, что делегация в самом деле „хочет сама основательно и собственными глазами убедиться в истинном положении вещей и получить информации о возможностях экономических сношений".

Этим благим целям можно было верить, но... можно было и сомневаться. В самом деле, разве можно ознакомиться с „истинным положением вещей" в стране масштабов СССР за пару дней пребывания в Москве, да еще людей, 99% которых не понимает ни слова по русски? Разве в XX веке изучают экономическую коньюнктуру стран методом таких помпезных делегаций? Если уже говорить о „собственных глазах", то таковых бы хватило и у нескольких посланных специалистов-экспертов. Да и в таком случае еще целесообразность их работы была бы под

вопросом. Если и правильно утверждение, что иностранцы не понимают „души русского народа“, не разбираются в революции, то совсем неправильно полагать, что они не знают экономического положения СССР. Такой нефтяной Наполеон, как сэр Детердинг, наверное, лучше самих большевиков знает все детали их нефтяного хозяйства. Германские Институты, специально занимающиеся экономической жизнью СССР, могут своими данными просто завалить всех интересующихся и ответить на любой вопрос из области советской экономики, и при этом их ответ, построенный на испытанных методах германской статистики, будет более правдив и серьезен, чем информация на страницах тех рекламных бумажек, какие пасуют в Москве красные спецы английским капиталистам. Да, наконец, и в самой же Англии имеются прекрасно поставленные кабинеты по советской экономике. За цифрами и статистикой в Москву ездить не за чем; ходить же глазеть на советские заводы английским промышленникам едва ли интересно. „Тут что то не то“, — мелькает в голове критического читателя при первых же известиях об от'езде делегации. Мы тоже думаем, что здесь „не то“.

Истинных причин может быть две. Во первых поездка делегации может быть простым предвыборным маневром английских консерваторов. Как известно, в Англии в ближайшее время должны состояться выборы в парламент. Одним из краеугольных камней борьбы между консерваторами и рабочей партией являются вопросы о безработице и об отношении к СССР. Оба вопроса собственно связаны между собой. Безработица в Англии носит все более и более серьзный характер, и не только вследствии значительных цифр безработных, но еще более благодаря своему затяжному характеру и общей безвыходности проблеммы. Чтоб поставить за станки многие сотни тысяч безработных, Англии нужны новые рынки для сбыта товаров, — а их нет. Только открытие такого грандиозного рынка, как СССР могло бы разрубить Гордиев узел. Отсюда давление рабочей партии в сторону возобновления дипломатических сношений с СССР (помимо, конечно, и иных просто политических мотивов). Консерваторы понимают, что это место для них является Ахиллесовой пятой и поэтому некоторые из них развивают мысль о возможности экономических сношений с красной Москвой без предварительного восстановления дипломатических сношений. Чтоб показать, что это не одни слова, а готовая принять конкретные формы трезвая политика, и отправляется в Москву делегация, создавая вокруг правительственной партии желательную для нее предвыборную атмосферу некоторых надежд. Интересно, что такая солидная английская газета, как „Times“, именно предвыборный маневр и склонна видеть в отправке делегации. Вернется мол делегация и скажет: „Как видите, мы сделали все, что можно; мы первые идем навстречу Москве, первые готовы с ней торговать, — не наша вина, что из этого ничего не выходит“.

Возможна и другая вариация. К тому, что немцы торгуют с большевиками, свет уже как то привык: политические мотивы действий Германии слишком очевидны. Но вот, когда американцы начинают „играть в лавочку“ с большевиками, — многим англичанам на месте уже не сидится. Забываются и печальные опыты прошлых лет, и подпольная работа большевицких агентов, и пропаганда в Индии, и проявляется лишь безграничное чувство того, что наилучше следовало бы назвать слепой капиталистической ревностью, боязнью остаться за бортом. Географические масштабы советских рынков чарują и манят, многие оказываются загипнотизированными ими, грезят о торговых операциях с Москвой.

Отправляется делегация.

Большевики учли обстановку и решили, что вода достаточно мутна, чтобы ловить в ней рыбу. Не успела выехать делегация, как красные газеты прекратили (по приказу) обычную травлю англичан и затрубили о взаимных выгодах сближения с Англией. С гордо поднятыми носами ждали к себе в гости комиссары „заискивающих“ перед ними капиталистов. Обед в 130 блюд должен был поразить делегатов. Но... разочарование наступило быстро. Сейчас же по прибытии англичан выяснилось, что состав делегации далеко не так блестящ, как об этом писалось, и что за ее спиной вовсе не стоит английское министерство иностранных дел. Литвинов так просто махнул на все дело рукой и после частной встречи с несколькими делегатами уехал в Варшаву, поручив Пятакову вести переговоры. Англичане оказались совсем не в „заискивающем“ настроении. Сколько не заверял их Пятаков, что лишь отсутствие дипломатических сношений мешает развить Англии блестящую торговлю с СССР, как красочно не рисовал все перспективы этой торговли в связи с индустриальной кампанией своего правительства, как ни указывал делегатам на необходимость оказать влияние на политику их страны, — ничего не помогало. „Сделайте нам заказы, покажите, что с Вами можно торговать, дайте реальное основание для торговых операций, — тогда и мы со своей стороны пойдем Вам навстречу“, отвечали делегаты. Большевики то м. б. и рады бы дать это реальное основание, да, как пишет „Morning Post“ „единственно надежным залогом для торговых операций в СССР теперь является... конфискованное английское имущество(!): остальное все большевики уже позакладывали — и флот, и золото и платину“. Сидели, сидели делегаты в Москве и... стали раз'езжаться: заказов от большевиков они не дождались, за отдельными малыми исключениями, а большевики от них обещаний тоже не дождались.

Уезжая, англичане открыто сказали большевикам о необходимости изменения экономиче-

ского строя Совдепии, т. е. попросту посоветывали ликвидировать социалистическо-коммунистический „експеримент“.

Вернулись „не солоно нахлебавшись“ о первых, пожалуй, и не скажешь: обед в 130 блюд англичане то все таки с'ели, но большевики то попрежнему сидят на мели — если не основательнее прежнего.

Инж. В. Бейсуг.

К проблемме нашего экономического возрождения.

III.

Понятие коммунизма, социализма, кооператизма и капитализма принадлежат в наше время к числу слов с весьма неопределенным содержанием. Если когда либо и после „Великой безкровной“ человечество будет иметь еще дело с коммунизмом, то по всей вероятности уже под другим названием: в том виде, в каком был воспринят коммунизм большевиками — „все твоемое“ — едва ли он будет еще соблазнителен для человечества. Научно-теоретическое понятие коммунизма настолько разошлось с практикой, что нужно выдумать или новое слово для комплекса научных идей, вкладываемых в коммунизм, или пересмотреть содержание старого термина.

Не лучше обстоит дело с социализмом. От того времени, когда француз Пьер Леру в 1840 г. в статье „De l'Individualisme et du socialisme“, помещенной в „Revue Encyclopedique“, и англичанин Оуен в 1841 г. в памфлете „What is socialisme?“ впервые употребили слово социализм, последний прошел столько стадий, развился в столько различных, часто даже взаимно-противоречивых форм, что совершенно потерял всякую цельность содержания. Единственная, пожалуй, наиболее уловимая общность во всех социалистических школах это то противоставление индивидуума обществу, только которое, собственно, и имел в виду Пьер Леру, вводя слово социализм, и которое потом достаточно настойчиво подчеркнули и христианские социалисты (уже Франсуа Гюэ в „Le regne social du christianisme“ в 1853 г.). В самом деле, что общего между полным морального начала и „духа животворящей общественности“ английским христианским социализмом 50—60 г г., материалистическим революционным марксизмом и консервативным немецким государственным социализмом? Ничего, или в лучшем случае очень мало.

Кооператизм — новый термин, выражающий экономический строй, в основе которого лежит кооперация. Но что такое кооперация? Одни ее видят уже за несколько тысячелетий до Р. Хр. в Вавилоне; другие ее считают за порождение и корректив капитализма, который по исполнении своего назначения, т. е. исправления капиталистического строя, потеряет raison d'être: не будет мол об'екта для корректирования (итал. проф. Валенти); для одних, кооперация — проблемма ценности, решающаяся гедопистическим принципом личного интереса; для других — она воплощение альтруизма; в глазах одних кооперация построена на начале взаимопомощи, для других — самопомощи; для бельгийской школы кооперация — одна из сторон социализма, форма классовой борьбы, в представлении же Гамбургской школы кооперация об'единяет всех потребителей без различия классов. Нет двух теоретиков кооперативной мысли, какие бы давали тождественные определения кооперации. И чем дальше, тем понятие кооперации расплывается больше.

Понятие капитализма собственно никогда и раньше не было достаточно отточено. Теперь отточить его почти невозможно: своим низом капитализм уже ушел в толщу и менее имущих классов, своей вершиной он опирается в „государство в государстве“, от которого 1 шаг (по крайней мере по внешней форме) до государственного социализма. Капиталистическое предприятие, как понятие неразрывно связанное с системой капитализма, устами выдающихся представителей экономической науки характеризуется разно. Так Бем-Баверк, опираясь на свое учение о капитале, как „промежуточном продукте“, указывает на руководящую роль владельца капитала капиталиста, как на отличительную черту капиталистического предприятия, а за капиталистическое производство считает всякое производство, ведущееся с помощью капитала. Для Зомбарта — вся суть в „получении прибыли на капитал, как цели приобретающей для предпринимателя об'ективное значение“. Макс Вебер указывает на совсем другие характерные моменты: связь предприятия с меновым оборотом и пользование чужим трудом — и т. д. Социальные следствия капитализма, как системы экономического бытия, слились с самой системой, придавая ей окраску уже социальной системы. Так, Туган-Барановский под капиталистическим строем подразумевает „строй, при котором отношение присвоения одними членами общества прибавочного продукта, созданного трудом других членов общества, скрывается под вечной товарной маской создания прибавочной ценности капиталом“.

Полная неясность всех четырех упомянутых терминов чрезвычайно затрудняет их точное употребление. Всегда бывают необходимы предварительные оговорки, утончения, ограничения и т. д., а получаемые в итоге термины часто совершенно отличаются от практики обыкновенного словоупотребления. Считает же, напр., американский экономист И. Фишер недокуренный табак в трубке за капитал! Желание придать нашим очеркам более близкий к реальной жизни характер заставляет нас отказаться от всякого рода такой условности, предоставив отыскивать истинное значение слов ученым теоретикам. Мы будем в дальнейшем употреблять слова коммунизм, социализм, кооператизм и капитализм в том грубоватом значении, какое они имеют теперь в обычном словоупотреблении. Под социализмом мы будем разуметь системы, строющие социально-экономическое здание на благе общества, как высшем благе, противопоставляемом интересу индивидуума, и стремящиеся в том или ином виде осуществить обобществление средств производства, как необходимую предпосылку этого блага. Под коммунизмом — строй, проводить в жизнь который взялись большевики. Под кооператизмом — строй, построенный на развитии „рочдельских принципов“ (зарождение кооперации мы т. обр. будем относить к эпохе развития капитализма). Под капитализмом — строй, характеризующийся наемным трудом, первостепенным значением капитала сравнительно с иными элементами и прибылью, как самостоятельной категорией, являющейся резко выраженной целью экономической деятельности

И вот теперь, несколько оформив понятия, с которыми мы будем иметь дело дальше, поставим перед собой вопрос, — какая из данных систем будет желательна для Казачьих Земель с того момента, когда их население будет в состоянии свободно выбирать пути своего экономического развития?

В предыдущем очерке мы уже уделили место той идее, которую мы называем „инженерским воззрением“. Ею и будем руководствоваться в ответе на поставленный вопрос. Теоретический разбор, как и вообще всякую теорию, мы считали бы в данном случае очень ценным и нужным, однако лишь сам по себе, но не в момент приложения оцениваемой системы к жизни: в момент сборки машины важно, чтоб все части точно подходили одна под другую, отнюдь не материал из которого вылиты части. И в нашем вопросе нам нужно оценивать не то, какая система лучше сама по себе, но какая наиболее подходит, — пусть она даже теоретически не наилучшая. Иначе говоря мы „по-ин-

женерски" должны исходить не из системы, но из об'ективных обстоятельств, из данного. Ответ на наш вопрос тогда бы должен был принять такую форму: в каждый данный момент и для каждой данной цели наилучшей будет та система, которая наискорее, наинадежней и с наименьшей затратой сил приведет к поставленной реальной цёли; как именуется система, на чем она построена, правильна ли теоретически, — это в значительной степени безразлично. Иными словами: в экономическом построении для нас приемлема система наиболее рациональная, при чем критерий рациональности должен черпаться из самой же экономики. С этой точки зрения и оценим теперь наши системы.

Коммунизм не может долго привлекать наше внимание. Постановка опыта в экономической жизни чрезвычайно затруднительна из-за невозможности парализовать влияние бесчисленного количества инородных факторов. Это заставляет очень осторожно принимать даваемые опытом данные. Однако большевицкий опыт поставлен достаточно основательно, чтоб можно было считаться с его данными. А эти данные констатируют полную несостоятельность коммунизма. Несмотря на всю энергию отчаяния советская власть оказывается бессильной восстановить народное хозяйство. Те отдельные мелкие достижения, которые приходится иногда признать, падают на долю отказа от коммунистической системы. Получается порадокс: коммунисты имеют наиболее удачи там, где они бывают наименее способны проводить коммунизм. Если, несмотря на разорение крестьянского хозяйства, СССР все же питается хлебом, то только потому, что большевикам не удается привить крестьянству коммунизм. Промышленность страны проявляет признаки жизни постольку, поскольку коммунизм не доведен до конца, торговля — поскольку она основана на НЭП'е и его вариантах, и т. д. Полный провал применения коммунизма свидетельствует о его совершенной нерациональности и дает нам право отказаться от него, как негодного средства, даже без об'яснения причин провала.

С оценкой социализма и капитализма дело обстоит сложнее. На ряду со своей догматической частью, во всей красе своей несостоятельности проиллюстрированной большевиками, учение социалистов включает в себе и ряд здоровых идей. В самом деле, разве не многим обязана Германская Империя времен Бисмарка ряду рациональных идей государственных социалистов? Современное рабочее законодательство, необходимость и ценность которого неоспорима, выросло и покоится в значительной мере на социалистических настроениях. В сложное многообразие экономической и социальной жизнн Европы и Америки учение социалистов внесло не мало нового, что оказалось жизненным и реальным. Уже своей постановкой ударения на благе целого в противовес благу отдельных личностей социализм может, поскольку не убивает индивидуума, создавать новый импульс для творческой деятельности, а каждая сила при рациональной организации должна быть использована. С другой стороны ничем необуздываемое властвование индивидуальности, что характерно для чисто-капиталистического строя может быть уподоблено машине с несовершенной пропорциональностью частей целого, что опять таки свидетельствует о нерациональности его природы. Обобществление средств производства, как основное догматическое положение социализма, нами не может быть принято, если мы только не захотим останавливаться напол-пути, не приняв коммунизма: там обобществление всего, здесь лишь части, а именно средств производства. Большевицкий опыт показал нерациональность идеи обобществления вообще, по крайней мере в коммунистическо-социалистических формах. Это дает нам право отвергать социализм, как систему нерациональную, однако... не дает право всегда отождествлять его с большевизмом и, как черт от ладана, бежать от него, что связано со словом „социалистический". Снежный ком социализма превратился, катясь, в лавину, облепленную рядом положений, принявших титул „социалистических", но в то же время по своей природе ничего общего не имеющим с рациональным социализмом. Мы нарочно так часто употребляем термин „рациональный", чтоб подчеркнуть, что исключительно с этой стороны подходим к вопросу, ибо этот мотив считаем руководящим в проблемме экономического возрождения Казачьих Земель.

Картина экономического благосостояния Европы и блестящая иллюстрация капитализма в Америке невольно толкают мысль в другую сторону: противопоставить нерациональным идеям социализма жизнью проверенный и выдержавший экзамен на полную состоятельность капитализм. Действительно, если нашу основную идею исходя из данного момента воспринимать в буквальном смысле слова, то тогда действительно капитализм можно принять для Казачьих Земель безоговорочно. Однако, это была бы слишком формальная логика. Мы по прежнему стоим на точке исхода из данного, а не прошлого, или будущего, но непосредственное вчера и завтра при известном историческом масштабе скорее относятся к настоящему, чем к прошлому, или будущему, они еще слишком „сегодня", чтоб их можно было от него отделять. Тоже и с капитализмом. У него есть и вчера и завтра. Вчера у него муки рождения, рождение в бедствиях разоренных классов, в ужасной эксплоатации, в массовой гибели и многих хороших, но не капиталистических начал. Завтра — у него трещины, трещины определенно наметившиеся, видимые (сложные формы участия рабочих в прибылях и даже управлении во многих крупнейших американских кампаниях — разве это не замазывание трещин в ортодоксальном капитализме?) и требующие для целости здания некоторого ремонта.

Говорить о том, что Казачьи Земли были землями „капиталистическими", могут только большевики с их психологией пуганой вороны, боящейся куста. У нас скорее была ориентировка на капитализм, капитализма же подлинного, во всем его размахе, не было, илп быть может „еще не было". Резко выраженный земледельческий характер наших земель вообще требует известной осторожности в употреблении слова „капитализм" применительно к Казачьим Землям, лучше „капиталистическое начало" понятие капитализма невольно вызывает представление об острой экономической дифференциации населения, кадрах пролетариата, развитой индустрии и о ряде других вещей нам мало знакомых. Благодаря всему этому капиталистический фронт не был характерным для Казачьих Земель (скорее была, выражаясь по — большевицки, „мелко-буржуазность" и „кулачество"); но с другой стороны он мог развиваться в порядке простой рационализации форм хозяйственной жизни. Для развития капитализма у нас не нужно было никаких потрясений, нужно было лишь время. Предоставленное самому себе хозяйство Казачьих Земель эволюционировало бы по пути развития капитализма без всяких важных давлений. Это — вчера.

Коммунистический эксперимент изменил естественный ход вещей. Благодаря чему „завтра" не может не иметь элементов известной произвольности в возвращении на путь капитализма. После этого, ненормального самого по себе, явления в возможности отбора и восприятия от капитализма всего хорошего и рационального, и отказ от неподходящего. Пользуясь опытом тех трещин, которые намечаются в западном капитализме завтрашнего дня, мы можем строить нашу постройку на капиталистическом начале, но без копирования отдельных заведомо недостаточно рациональных его элементов. Мы принимаем капитализм не как возврат к дорогой рутине и излюбленному старому, но как систему, покоющуюся на испытанно-рациональном принципе личного интереса — здорового, законного, полного внутренней силы, рационального.

Всем этим мы уже поставили вехи для нашего подхода и к четвертой системе кооперативизму. Ни одна из перечисленных систем не связана столь органически с элементом рациональности, как кооперативизм. Рациональность капиталистического начала есть скорее его следствие, но не содержимое. Тактика же кооперации, если рассматривать ее как метод, зародившийся одновременно с развитием капитализма, выработалась как рациональный выход из тяжелого положения, создавшегося для менее состоятельных классов. В отличие от стихийности капитализма, в кооперативном методе есть много продуманного. Вспомним только историю возни-

кновения первого потребительского общества рочдельских пионеров. Пионеры на своих собраниях, зная прежние неудачные попытки об'единений, ломали головы над созданием рациональных правил, какие бы могли обеспечить успех их начинанию. Но кто выдумывал принципы капитализма? Могучее развитие кооперации и поднятие при помощи нее материального благосостояния широких народных масс на Западе является лучшей маркой для признания рациональности кооперативных начал. Не противоречит ли это нашему принятию капитализма? Нисколько. В то время как капитализм в процессе нашего экономического возрождения ценен как общая система, кооперация ценна как отличный метод разрешения специальных сторон экономического строительства. Казачья действительность полна данных, заставляющих видеть в кооперации действительно метод подходящий: бедность капиталом, навык казака к личному труду, общность интересов, товарищеское начало взаимопомощи, закаление в ходе военной истории казачества, индивидуализм достаточно развитой для проявления необходимой для кооперации инициативы и т. д. О роли и значении кооперации для Казачих Земель мы еще будем иметь случай говорить в будущем специально, сейчас же формулируем наше отношение к ней в процессе экономического возрождения: мы считаем кооперацию, как метод, весьма рациональным началом в условиях казачьей действительности, и полагаем что ее применение в процессе возрождения Казачьих Земель будет весьма жизненно и продуктивно.

Итак, рассмотрев несколько систем, мы совершенно отказались от коммунизма, не приняли социализм в его догматической части, признав принципиальную допустимость его отдельных второстепенных, но рациональных элементов, наметили всю важность и ценность капиталистического начала и признали желательность максимального применения кооперативного метода. Взглянем теперь на все это в целом.

1. Прежде всего мы должны отметить, что не может быть и речи о безоговорочном принятии какой либо одной системы. Во-первых потому, что ни одна из этих систем, как говорилось уже в самом начале, не имеет достаточно определенных граней; во-вторых это противоречило бы нашему „инженерскому" подходу: экономическая жизнь настолько многообразна, что даже в пределах ее отдельных сторон трудно говорить о единстве экономической системы. То что рационально в земледелии, может быть менее рационально в торговле, и совсем не жизненно в промышленности. Разноречивость полезности на этом не останавливается: кооперация неуместна в тяжелой индустрии, но рациональна среди ремесленников; национализация всей недвижимости абсурдна, железных дорог — м. быть жизненна, и т. д. Даже из начала капитализма и кооперации можно уже создать бесчисленное количество переходных форм и вариантов. Это желательно даже и принципально: чем больше будет проявляться творческой мысли и меньше шаблонности в каждом данном случае, тем большим это будет залогом, что форма будет отвечать индивидуальным качествам содержимого. Единство может быть лишь постолько желательно, поскольку оно рационально, но не ради идеи единства: для солдат единая форма необходима, всех заставлять носить одинаковое платье — не за чем.

2. Признание той или иной системы за выгодпую и подходящую не должно обращать средство в цель. Если, скажем, кооперация желательна для Казачьих Земель, то это не значит, что кооперация должна стать целью, а Казачьи Земли прибором для ее культивирования. Одна из главных ошибок правоверных и темпераментных социалистов, по нашему мнению, в том, что они готовы для торжества социализма уложить на жертвенный алтарь... все человечество! Такое обращение средств в цель получается при превращении credo в идею-фикс. Невольно вспоминается картина с плахой и лежащей на ней головой казненного преступника — последнего обитателя земли — и подписью внизу: pereat mundus viat justicia (пусть погибнет мир, лишь бы торжествовала справедливость) — фанатизм, превращение себя в раба собственнй идеи! Не мы для всех этих социализмов, капитализмов и всяких „измов", но они для нас.

3. Наконец, последнее, что нужно помнить в принятии той или иной системы — это греческое „все течет": раз воспринятая экономическая система должна не коснеть, а эволюционировать, развиваться и беспрерывно приспособляться к новым проявлениям жизни — так, как методы производства на заводах Форда. В дни строения новой жизни в Казачьих Землях это нужно особенно твердо помнить, ибо скованный так долго запас внутренних созидательных сил Казачества прорвется, верим, с необычайной силой; в его стремительном потоке годы превратятся в месяцы, а десятилетия в годы. И тогда лозунг „поспеть за жизнью" будет основным условием, без которого и все наши оценки коммунизма, социализма, капитализма и кооператизма потеряют всякую ценность.

С. Галданов.

О вождях и о „вождях".

...Но и горд наш Дон, Тихий Дон, наш Батюшка —
Басурманину он не кланялся, у Москвы как жить не спрашивался...
(Старинная казачья песня)

Есть-ли на свете народ счастливее русского? Настолько он счастлив, что только он, кажется, может себе позволить роскошь совершенно не думать о своей судьбе: подумают за него и что нужно сделают за него другие — вожди. Последние же обладают такой прозорливостью, таким поразительным качеством, что, не зная своего народа, совершенно ничего у него не спрашивая, точно знают, что нужно опекаемому ими народу, как и о чем этот последний думает.

Конечно, и у других народов имелись и имеются свои вожди, но у разных народов — разные вожди.

У Казачества был Ермак Тимофеевич, К. Булавин, А. М. Каледин, К. Л. Бардиж, Н. С. Рябовол; у китайцев недавно был д-р Сун-ят- сен; у итальянцев были: Гарибальди, Мадзини, Кавур, есть Муссолини; у американцев были: Вашингтон, Линкольн; у французов был Наполеон; у турок есть Кемаль-Паша; у чехословаков были: Ян Гус, Жижка, есть Масарик; у поляков был Костюшка, есть Пилсудский; у сербов были: король Петр Карагеоргиевич, старый Пашич, есть король Александр, и т. д. и т. п.

Были и есть вожди и у русского народа. Но, увы, удивительные эти вожди — „вожди". Поистине особая „стать" русского народа, особая стать его „вождей".

У русских „вождей" своеобразный подход к своему народу. Отдельный крестьянин или рабочий для „вождей" — дикарь, серая скотина, а соединение этих „дикарей". — народ „богоискатель". Последний вызывает у своих „вождей" нежную „любовь". При чем любовь эта прямо пропорциональна проявлению „уважения" народа к своим „вождям": чем жесточе побои, народом время от времени наносимые своим „вождям", тем сильнее, нежнее „любовь" последних к своему народу, т. е. и у „вождей" и у народа одинаковая психология, веками, жизнью самой выработанная. Бьют — уважают, преклоняются. Начнут по-человечески обращаться — „они и ноги на стол".

Цари, императоры веками гноили свой русский народ, а последний кряхтел и молча переносил все глумления царских слуг. Чем грубее и безжалостнее был режим, чем безцеремоннее было обращение правителей с народом, тем последний становился смирнее, без-

гласнее, тем больше в нем укреплялось чувство преклонения, почтения перед грозными правителями.

Пришла революция и вместе с нею пришли люди, пожелавшие спросить у русского народа его желание, его волю по вопросу об устройстве его будущей жизни, но народ, привыкший не думать о своей судьбе, после восьмимесячной свободной жизни, затосковал по „вождю", который подумал-бы и что нужно сделал бы за него. Таковые незамедлили своим появлением. Сразу появились вожди: красные и белые. Но народ великорусский в данном случае предпочел красного вождя и, ведомый им, выбросил за борт родного корабля своих „белых вождей".

С этого момента начался так сказать параллельный ряд „вождей": во „внутренней России" ряд „красных вождей", а в „зарубежной России" ряд „белых вождей". Там власть красных вождей, для блага опекаемого ими народа, „преемственно" переходит от одного красного „вождя" к другому.

Белые „вожди" тоже не теряют своей „власти" над своим народом. И здесь „власть" эта „преемственно" переходит от одного „вождя" к другому, от другого к третьему. Но „вожди" с каждым таким „преемственным" переходом и „там" и „здесь" становятся мельче, безцветнее, бездарнее.

Эти два ряда „вождей" начинались популярными именами: „там" — Ленин; „здесь" — в. к. Николай Николаевич; „там" — Троцкий, „здесь" — Врангель; ныне — Сталин и Кутепов; завтра может родиться новое звено этого ряда: „там", например, Балалайкин, „здесь" — Растепин. Кто они? — Не все ли равно? Русскому народу необходим „вождь", без него он не может спокойно спать, устраивать свою жизнь, и „вождь" будет, все равно: красный или белый...

Сталин со своими красными губернаторами скоро падет? Ничего, не безпокойтесь! Во всякое время готов стать на его место белый „вождь" Кутепов со своими белыми губернаторами! Русский (великорусский) народ может быть покоен: есть кому о нем заботится!..

———

„Мороз воевода дозором обходит владения свои", — учили мы в детстве. Точно так же недавно русские эмигрантские газеты возвестили миру: „вождь, воевода Кутепов, об'езжает владения свои зарубежные".

А сей „вождь", проехав некоторые страны и государства, побывав на нескольких вечерах, устроенных его единомышленниками, в точности узнал — чего желает „зарубежный русский народ". А оный чает одного: чтобы именно ген. Кутепов был его вождем и вел спасать „внутренний русский народ..." Об этом новоявленный „вождь" поведал миру в газете „Возрождение", №. 1404.

Видите-ли, он „всюду встретил общее и горячее воодушевление". Он „может отметить прямую тягу русского общества и отдельных представителей его различных „секторов" к Общевоинскому Союзу", т. е. к нему, Кутепову. Поэтому „близок час и осушатся (Кутеповым) те две реки, что проложили большевики по русской земле (а на Казачьих Землях вдобавок и Кутеповыми. С. Г.): река крови и река слез" („Возрождение", №. 1375).

Все это сделается потому, что его, Кутепова, хорошо встретили „в Югославии и Чехии"; „восторженно встретила гимназия", где „мне поднесла цветы и сказала приветственную речь маленькая девочка, родившаяся в Галлиполи, в мечети"; что его политический единомышленник на „вечере" поднял тост „не только за генерала, но и за профессора, который воспитывает сердца и волю молодежи", что, благодаря Кутепову и армии, им возглавляемой, „мы можем гордо смотреть миру в глаза"; наконец, еще потому, что другой его единомышленник отметил „ту любовь и доверие, которыми пользуется ген. Кутепов..." („Возрождение", №. 1383).

Все, конечно, возможно... Возможно, что у 8-ми летней девочки („родившейся в Галлиполи, в мечети") проснулось и укрепилось русское национальное сознание и она своею речью растрогала Кутепова; возможно, что у его поклонников „любовь и доверие к нему" безграничны; возможно, что „знаменитый профессор" Кутепов в Галлиполи закалил „сердца и волю молодежи" и, наконец, возможно, что и теперь, сидя в Париже, ген. Кутепов „закаляет" сердца патриотов: на то и „вождь". Все это возможно.

Но, сомнительно одно и вовсе невозможно другое.

Сомнительно, что белые „вожди" имеют право „гордо смотреть миру в глаза", так как они народом своим отвергнуты, ибо из 80-ти миллионного русского (великорусского) народа за ними пошло всего-то несколько тысяч. Но и это основное ядро, состоявшее из представителей офицерства и немногочисленных молодых идеалистов, обросло и усилилось теми, что руководствовались и руководствуются в своей программе и своих действиях „реставрационными поползновениями". Прикосновение именно этих „черных воронов" и погубило не только чисто народную казачью борьбу за свое государственное бытие, за свое политическо-государственное возрождение, но и за единственно в свое время правильный и здоровый процесс восстановления самой России.

Невозможно: чтобы казаки радостно встречали „вождя" Кутепова, как он сам о том вещает. Слишком различны природа „вождя" и казаков, чаяния и стремления того и других. Кроме того, еще свежи в памяти казаков „дела и действия" Деникиных, Врангелей, Покровских, их кровавые эксперименты над живым телом Казачества на Кубани, в Новоросийске...

„Вождь", ныне поворачиваясь „лицом к Казачеству", изрекает: „единство казаков и твердость их внутренних взаимоотношений я мог бы подтвердить примером казачьей колонии в Югославии, в Беличе. Все казаки там одинаково—рабочие. Но это только их, так сказать, внешнее состояние. Во внутренних отношениях они — одна крепкая казацкая семья, со всеми ее обычаями, традициями... Я наблюдал в казацкой семье дружескую простоту отношений, а, между тем, там каждый твердо знает свое место"...

Запоздалые открытия весьма старых истин. Впрочем, утешительное открытие русского генерала — „вождя": по истине, лучше поздно, чем никогда, авось одним шагом будут ближе к истине. Правда, „открытие" ген. Кутепова явилось плодом наблюдения и „изучения" казачества за один вечер. Одним словом: „пришел, увидел, победил".

Казачья спаянность, дружеская простота взаимоотношений, крепость казачьей семьи — общеизвестное и и вполне естественное явление. Иначе и быть не может.

Казаки, корнями своими глубоко уходящие в свою Родную Землю, веками воспитанные на принципе Свободы, Равенства и Братства, никогда незнавшие рабства, со своими народными традициями, обычаями, с особой психологией, мировоззрением, — по всей общественно-моральной культурной физиономией составляют на самом деле тип людей, отличных от великоруссов.

Казаки, где бы они не находились, духовно постоянно живут на своей Родной Земле, в Родимом Краю — на Тихом Дону, Вольной Кубани, Бурном Тереке, ковыльной Степи — где они знают каждую пядь земли, с которой они связаны крепкими нитями казачьей крови и слез, с которой они духовно срослись и которая рисует яркие картины героического исторического прошлого Казачества. Одно слово — „казак" живой и крепкой нитью связывает всех казаков, роднит, сближает их, бодрит в тяжелые минуты жизни, одухотворяет, воодушевляет в борьбе.

„Слава Богу, что мы казаки!" — говорят казаки.

По истине: Слава Богу, — снова и снова повторяем мы.

Казаки стремятся к своей Родной Земле, к своим родным очагам, к своим страдающим братьям, к восстановлению, возрождению Свободного, Вольного Казачества.

Казачество и „вожди" — разные пути и противоположные чаяния. Казачьи идеи и программы и идеи „вождей" — Небо и Земля.

И напрасно теперь новый „вождь", поворячиваясь „лицом к Казачеству", тянет их к себе. Напрасно! Нельзя „об'ять необ'ятное" — как некогда еще сказал ум-

ный Кузьма Прутков. К тому же слишком свежо в памяти казаков „внимание“ „вождей“ в отношении казаков в эмиграции. Казаки помнят, когда в Югославии Правительство готово было предоставить казакам землю на заселение, как некоторые „вожди“ со присными аттестовали казаков перед братским сербским народом и его правительством как никчемных „колонизаторов, от разбоя которых не будет житья местным жителям“ (Вестник Каз. Союза, №. 14—15), и тем сорвали хорошее для казаков дело.

Поэтому, естественно поведение казачьих Атаманов, непризнавших нового „вождя“ и не пославших ему „в самый ответственный и тяжелый момент даже поздравления“, как жалуется послушный „вождист“ ген. Абрамов.

Было-бы заблуждением, несмотря на заявление даже самого „вождя“, думать, будто казаки восторженно встречали его „в Чехии и Югославии“. Как казаки его встречали в Югославии мы не знаем, но трудно усмотреть в единоличном выступлении г. Скачкова П. А. „восторженную встречу“ казаками. Пусть уж казаки сами судят о казачьем „восторге“ по поводу приезда ген. Кутепова в Чехию: было приветствие ... одного казака.

По словам самого „вождя“ настроение казаков в Болгарии „таково, как в Чехии и Югославии“. Мы этому вполне верим! Так оно и есть...

Казаки давно переросли опеку „вождей“. Казачество живет своими святыми идеями и идеалами, завещанными от седой старины, от отцов и дедов, своими собственными казачьими целями и задачами...

Казаки — вольные и свободные дети своей Родной Земли, давным давно уже достигшие совершеннолетия, не нуждающиеся не в чьей указке, ни в чьей опеке.

Недаром в старинной казачьей песне донцы воспевают свой Дон:

... Но и горд наш Дон, Тихий Дон, наш Батюшка —
Басурманину он не кланялся, у Москвы как жить не спрашивался...

А. Стремянной.

Откуда взялись „червонные казаки“.

Не так давно в русских зарубежных и иностранных газетах много писалось по поводу зачисления в казаки французского коммуниста Кашена. В журналах были воспроизведены каррикатуры с изображением „казака“ Кашена, лихо скачущего на коне во всех военных „доспехах“.

Действительно, такой факт был и в нашем распоряжении имеется копия приказа о награждении Кашена званием „почетного казака“ червонного казачества. Во время своей последней поездки в СССР Кашен „явился в свою часть“, получил обмундирование и оружие, присвоенное червонным казакам. Затем был уволен в долгосрочный отпуск и все казенное имущество сдал в полковой цейхгауз.

Обычай награждать званием почетного казака знатных иностранцев и русских сановников существовал и в прежнее время, так что здесь большевики ничего своего не придумали. (Многие из бывших почетных казаков не всегда служили украшением казачества).

Но кто такие червонные казаки?

Об них за границей знают мало.

Московское коммунистическое правительство — не признает старого, исторического Казачества: ни по своей конституции, ни в практической жизни. Казачьи Области и Земли раздроблены на части и прирезаны по клочкам к разным „республикам“, краям, губерниям и областям. Казаки, как отдельная народность, согл. большевицкому законодательству и практике, не существуют. Они „сравнены“ со всем населением РСФСР и воинскую повинность отбывают „на общих основаниях“. Никаких казачьих воинских частей в красной армии нет. Подавляющая масса казачьей молодежи призывного возраста проходит службу в пехотных частях и лишь в отдельных случаях попадает в конницу и артиллерию. Большевицкие верхи не верят казакам.

Казаки, призванные отбывать сборы в территориальных частях, сформированных в районе казачьих Областей, составляют в них большинство, но и здесь командный состав состоит исключительно из пришлого элемента, совершенно незнакомого ни с бытом, ни с прежней службой казака.

В 1926 году в казачьих Областях были образованы территориальные конные части, для отбытия сборов, в которых казаки должны являться с собственным конем; но обмундирование и оружие выдаются казенные. По окончании сборов все казенное имущество сдается обратно и казак на своем коне и в собственной одежде возвращается к себе в станицу.

„Червонные казаки“ никакого отношения к настоящим казакам не имеют. История возникновения „червонного казачества“ в кратких словах такова.

В 1918 году, после ухода немцев с Украины и занятия Чернигова большевиками, ученик местной гимназии Примаков решил заменить гимназический ранец винтовкой и шашкой. Он собрал вокруг себя до 50-ти таких же молокососов и ничтоже сумняшеся назвал свой „отряд“ „червонными казаками“.

В начале 1919 года украинские полки — Богуна, Таращанский и Нежинский — разложившись и наполнившись бандитскими элементами из тех же уездов, перешли на сторону большевиков и тоже об'явили себя „червонными казаками“.

Со временем все эти части, пополненных всяким сбродом, составили 7-ю и 8-ю „Червонно-Казачьи дивизии“.

В 1922 году из этих дивизий, с присоединением к ним отдельной кавалерийской бригады „незаможных селян“, — набранной, в свою очередь, в период Махновщины из жителей Богодуховского и Ахтырского уездов Харьковской губернии, — был сформирован 1-ый Конный Корпус Червонного Казачества, двухдивизионного состава, существующий и поныне.

1-я дивизия получила наименование — Запорожской, а 2-я — Черниговской.

Командование корпусом было вверено тому-же „гимназисту“ Примакову.

С введением в красной армии „шефенева“ (которое, кстати сказать, имеет чисто бутафорское значение), шефом Запорожской дивизии оказалась французская коммунистическая партия, и Черниговской — германская. Отсюда и пошло трогательное единение французских коммунистов с „червонными казаками“.

Корпус был размещен по квартирам на Волыни — в районе Меджибожа, Проскурова, Старо-Константинова, Изяславля, Антонин, со штабом в Виннице.

Перейдя на мирное положение, части корпуса, по установившейся привычке, не переставали грабить и чинить насилия над местным населением, которое было ими терроризировано до последних пределов. Нельзя было показаться ни в поле, ни на дороге, чтобы не быть обобранным до нитки. „Червонные казаки“ совершенно безнаказанно шныряли повсюду и наводили панику на всю округу.

Жизнь в крае замерла; базары прекратились; никто из сел и местечек не рисковал выезжать и выходить; все сидели по своим углам.

Пример подавало само начальство. Так, командующий 2-ой Черниговской дивизией тов. Шмит, находясь в Киеве на вокзале, застрелил на глазах у тысячной толпы ни в чем неповинного железнодорожника только за то, что тот осмелился обратиться к нему со словами, чтобы он не толкался и не пробивал себе дорогу сабельными ножнами. Вызванные для ареста нахала и преступника чины ГПУ, когда узнали, что перед ними

„комдив Шмит“, покорно взяли под козырек и, повернувшись, ушли.

Бесчинства красных „казаков“ дошли до того, что во время поездки самого командира корпуса в одну из частей, расположенных в Изяславле, был обстрелян его собственный автомобиль, который „казаки“ по ошибке приняли за посторонний. Виновные в этом по приказу Примакова были расстреляны без суда и следствия перед фронтом целой бригады.

Когда началась реорганизация красной армии и все „партизанские элементы стали увольняться из частей в запас, в корпусе произошло такое событие.

По положению увольняемые должны были сдать все казенное обмундирование и ехать по домам в собственной одежде. Но те, которые провели на фронте всю гражданскую войну, никакого собственного платья не имели и сдавать что-либо категорически отказались. Из полков всех отпустили в казенной форменной одежде, но в Проскурове на вокзале отпустники были окружены отрядом ГПУ, который снял с них все казенное обмундирование.

Демобилизованные тут же устроили летучий митинг, на котором постановили выразить начальству протест. Форма протеста была избрана довольно оригинальная.

Сбросив с себя оставшиеся лохмотья, бывшие „червонные казаки“, в костюме Адама, строем двинулись по улицам города к зданию местного исполкома. Кстати, был свежий весенний день.

Даже видавших виды проскуровцев необычайное шествие нескольких сот голых мужчин повергло в неописуемое изумление... Прохожие — одни останавливались с любопытством, другие — особенно женщины — с ужасом шарахались в первые попавшиеся ворота.

Исполком вынес Соломоново решение. Разместил демобилизованных в городе по квартирам, обязав каждого домохозяина одеть одного „голыша“. Там где в доме не было мужчин, несчастные женщины должны были бегать по базарам и соседям, чтобы обменять последние юбки и кофты на брюки, пиджаки и рубашки. К вечеру все червонные „казаки“ были одеты и в самых фантастических костюмах, с веселымн песнями, раз'ехались по домам...

Наконец, грабежи и разбой в районе расположения „червонного корпуса“ приняли такие чудовищные, размеры, что высший командный состав и правительство Украины вынуждены были прибегнуть к крутым мерам.

В Винницу прибыли: Раковский, Владимиров и Фрунзе — тогдашние хозяева края.

Наскоро был сформирован „скорый и правый“ революционный суд. Десятки красных командиров и червонных „казаков“ были расстреляны, сотни тех и других приговорены к тюремному заключению или отправлены в ссылку; многие просто уволены из рядов войск.

Осужденные командиры и „казаки“ с изумлением выслушивали смертные приговоры за такие „дела“, которые в их жизни стали бытовым явлением и ни с какой стороны — по их мнению — не могли считаться преступными.

Так комендант штаба корпуса, желая угодить вновь прибывшим высоким гостям, разослал по окрестностям всех людей из команды связи с приказанием достать как можно больше кур, гусей и прочей снеди. И когда его за такое усердие предали суду, он, по выслушании смертного приговора, с упреком воскликнул: „И до чего люди не благодарны: я для них старался, а они за это к расстрелу!..“

Начиная с 1925 года жизнь „червонного корпуса“ во многом изменилась. Командир корпуса Примаков, перешедший уже далеко за „гимназический“ возраст, был переведен сначала в Петербург на должность начальника кавалерийской школы, а потом с целой свитой червонных командиров уехал в Китай, делать там революцию.

Строптивый начальник дивизии Шмит должен был удалиться на покой и сейчас проживает в „колонии для военных сифилитиков“ на Сев. Кавказе.

Из бывших „героев“ гражданской войны почти никого в корпусе не осталось. И былая „привольная“ жизнь в частях корпуса замерла. На смену ей пришла серая казарма с ее „нудными“, тяжелыми занятиями — строевыми и словесными. Особенно „душат“ теперь всех „наряды“.

Части корпуса стоят разбросанно, по разным городкам и местечкам; везде склады, цейхгаузы; всюду часовые и дневальные. Самую тяжелую лямку приходится тянуть рядовому красноармейцу, т. к. всякие политруки, военкоры, комсомольцы и прочие коммунистические прихвостни освобождены от нарядов.

Пища однообразная и плохого качества.

В воскресные и праздничные дни красноармейцев отпускают в город при увольнительных записках группами, при старшем.

Все бывшие полковые и гарнизонные церкви превращены в красноармейские клубы. Ношение нательных крестов строго преследуется.

Пополняется теперь конный корпус „червонного казачества“ новобранцами отчасти лишь из Полтавской, Одесской, главным же образом из Тамбовской и других русских губерний.

Таким образом „червонные казаки“ ничего общего с настоящими казаками не имеют.

Ф. Штовхань.

На Черноморском побережьи.

(Девять лет тому назад).

Из дневника.

... Тихий и яркиий солнечный день. Баталион наш подходил к царским дачам, недалеко от города Сочи. Там обещана нам дневка. Уже издали виднелись красивые дачи и приближение к ним подняло у нас дух и энергию. С песнями вошли мы на дачу:

„Сумеем честь мы отстоять, иль умереть со славой“.

С полной верой и надеждой в лучшее будущее, мы прикрывали шестидесятитысячную отступающую Кубанскую армию и немного донцов. Дачи сулили нам отдых, новую энергию и силы еще для одного последнего перехода. Здесь, сравнительно далеко от фронта, представилась нам возможность на минуту проститься с винтовкой, патронташем, а главное, от вещевого мешка. Винтовки в козлы, — дневальный, а сами — по квартирам, под тенистые кипарисы. Каждый уселся на своей шинели и сейчас же начал освобождаться от английских ботинок, — ноги натерли они почти до костей; нам давно уже не разрешали одновременно снимать оба ботинка. Ожили немного; беда только в том, что хлеба нет и кукуруза вышла; осталось одно только черное кофе, которое составляло почти в единственном числе, бессменно и повседневно наше меню, причем, без сахару (мы его никогда не имели после того, как оставили Екатеринодар, 4 марта). Кофе мы пили с поджаренной кукурузой, которая иногда попадалась на нашем пути. С трудом приходилось вымаливать у „грекоса“ три, четыре качана за деньги или за какую нибудь вещь. Многие отдавали последнее.

По квартирам распределились, как всегда, тройками и по очереди варили кофе. Так было во всех тройках; в „каждой квартире“ был разложен костер, один сидел около него и варил кофе, а два другие большею частью лежали, перебирая приключения последних дней.

Везде тихие и смирные разговоры, в полной уверенности что нам посчастливит остаться на этих квартирах дня три, а может быть и четыре.

Но не тут то было. Заговорил редким треском пулемет. Все насторожились. В это время из под густого кипарисового дерева раздался противный голос:

— „Шестая — подберись!"

Это была моя сотня 2-го учебного баталиона (учащихся), по полку шестая, а по батальону вторая. Не замедлил ему кто то из под другого такого же дерева: „язык прикуси!"

Не хотелось еще „подбираться", но нужно было; мы знали, что на позиции спешенные кавалеристы, которые почти без сопротивления на первый выстрел снимались с позиции и уходили в долину к своим коноводам...

Показался командир сотни и отдал приказание фельдфебелю, чтобы сотня никуда не расходилась — „вечером выступаем на позицию". Приказание „подберись" значило в первую очередь — натягивай ботинки, потихоньку расхаживайся, чтобы потом не отставал от сотни.

Было это в четыре часа дня, а через полчаса по сотне раздался новый голос:

„Каптенармус! к командиру сотни".

Тихо заговорила сотня; очевидно, штаб отряда перед выступлением на позицию хлеба даст, но сверх нашего ожидания штаб отряда пообещал прислать на позицию по целой консерве (английской).

За горой слышны прерывистые звуки пулемета и изредка между ними отдельное тявкание винтовочных выстрелов. Время клонилось к шести часам вечера. Слышно голос фельдфебеля:

— „Шестая, стройсь!"

Через минуту все были в строю. Вот и командир сотни:

— „Позиция выбрана по этому хребту, наша сотня занимает позицию на правом фланге, слева — четвертый баталион".

Стройными рядами по два двинулась сотня с места, немного поднялась вверх к хребту, там соединилась с баталионом, затем прошли тропинкой по над хребтом от моря в направлении села Божие-воды. Солнечные лучи почти совсем угасали и заменялись лунными лучами. Спустились еще немного вниз и рассыпались реденькой цепью. Левее нас восьмая. а направо — седьмая сотни; еще правее пятая сотня учебного баталиона учащихся. Нам были указаны участки очень большие, поэтому с грустью пришлось вспомнить Екатеринодарскую сотню в 130 ч. и рассеявшуюся по пути так, что сегодня нас всех с офицерами было только тридцать человек. Заняли позицию редкой цепью с интервалом около тридцати шагов один от другого. По цепи:

„Каптенармус!"

— „А я ищу, ищу и никак не могу вас найти".

С противоположной стороны показался ком. сотни Ф. П. Прох. и приказал каптенармусу роздать консервы и сообщил командиру взвода, что неприятель еще далеко и будет задержан до завтрашнего дня, поэтому можно ночевать повзводно. Сейчас же был собран взвод, взводный урядник составил наряд, с таким расчетом, чтобы время дневальства распределилось поровну. Моя очередь пришла на рассвете и только окончилось мое дневальство (около 4 часов утра) — последовало распоряжение занять вчерашнюю позицию и внимательно наблюдать свои участки.

С противоположной стороны хребта на шоссе показалась команда трубачей, перешла долину и остановилась у подножья нашего хребта, сбоку шоссе. Слышу чей то голос.

Это шкуровцы будут встречать свою кавалерию.

Не прошло и 15 минут, как по другую сторону долины на змеевидно в'ющемся шоссе показалась двигающаяся колоннами кавалерия. Музыка „ударила" марш. Эта длинная цепь кавалерии тянулась с самого раннего утра и почти до одиннадцати часов, потом ушла музыка и последними проскакали по шоссе отдельные всадники. Наконец исчезает весь шум и топот лошадей и то, что было по ту сторону долины, уже не считалось нашим, оттуда мы с минуты на минуту ждем противника.

Не долго ждали назойливого гостя. В час дня начали доноситься отдельные винтовочные звуки, а спустя немного заговорил пулемет, осыпая нашу позицию густым дождем пуль. По цепи:

15 шагов вперед!

Это значит спуститься вниз и оставить позади ложившиеся пули. Это подняло настроение и цепь быстро передвинулась вперед; непосредственная опасность миновала; пули ложатся позади, но пулеметы трещат все сильнее и сильнее по всему фронту противника. Особенно сильный нажим был на левый фланг от моря. У каждого пронеслось в голове: опять нас подведет четвертый баталион, опять мы будем отрезаны.

Пулеметы беспрерывно и неумолкаемо трещат; изредка среди этого треска выделялся и артиллерийский звук горняшек и даже мортир, но шрапнели рвались далеко позади нас и на нас никакого впечатления не производили. Еще спустились на пять шагов вниз, расположились под тенью деревьев и внимательно наблюдали за своими участками, кто сидя, а кто лежа. Почти совсем нас прикрывала естественная поросль леса, положение позиции было удобно и безопасно, а к свисту пуль и треску пулемета мы уже привыкли и чувствовали себя свободно. Мои соседи, с одной и другой стороны, были хорошие анекдотисты, особенно Миша М... Затем условились покончить с последней третью консервы, — она у нас была разделена на три приема: завтрак, обед и ужин. С последней порцией консервы живо вспомнилась недалекая родная Кубань, Екатеринодар с его мягким, белым хлебом, изголодались мы по нем...

Почти в одну минуту (около 5 часов) умолкли пулеметы, нигде ни одного звука, далее природа способствовала этой немой тишине: ни одного движения листа, так тихо. Ком. сотни еще раз подчеркивал каждому особенности каждого участка. В нашей цепи тоже молчание и только Миша нарушил его произнеся как будто в воздух: „после затишья бывает буря".

Солнце почти совсем закатилось за линию горизонта. Состояние делается напряженнее, чего то ждем. Среди полной тишины на стороне противника раздался сильный арт. гул, через 5 минут другой и через такой же интервал третий и снова воцарилась мертвая тишина. Мы ждем наступления, к нам прислали пулеметчика; приготовились встречать противника; больных и с сильно потертыми ногами отправили в тыл. Сотня стала сильнее, к нам в каждый взвод прибавилось по одному офицеру и четыре казака — пулеметчики.

В 9 часов вечера приказано выслать часовых от каждой сотни по четыре человека; два у самое подножье горы, а два посреди склона. Остальные повзводно собираются: часть около пулеметчиков, а часть связывается по фронту. Как будто все распоряжения исполнены, каждый на своем месте. Снова тишина, в небе над горой повисла луна и все залила своим серебристым светом.

Блаженным сном уснули вершины Кавказа. Точно в 12 часов ночи тот же самый артиллерийский звук, как и вечером. Минуту спустя, тот же дневной густой и беспрерывный пулеметный треск. Все на своих местах, — по фронту идет командир и только слышно было шопот: „внимание! — слушаюсь!"

Стрельба тянулась около часу, потом снова затишье. Быстрыми шагами подходит посыльный:

— „Ком. бат. приказал выстроить сотню и немедленно уходить к вершине горы в условное место, там сбор баталиона; левый фланг, сбит на шоссе, уже позади нас большевики, мы отрезаны".

Часовых снять нам не удалось. Сотня быстро нагружается патронами, пулеметами и по два поднимается вверх к хребту и направляется через хребет, к резерву полка (Алекс. и Софиевцы — пешие сотни). В полку уже был проводник-грек. Тропинкой направились в горы с таким расчетом, чтобы выйти на шоссе около Сочи, но посланная разведка возвратилась с одним раненым, — шоссе было занято большевиками. Направление движения полка меняется почти под прямым углом; снова нужно было перейти перевал. Тяжело нам дался этот перевал. Но нужно было перейти его

как можно скорее, затем по кругу долиной 40 верст в Сочи. Это была единственная надежда на то, что мы можем связаться с своими войсками. Мы верили в то, что Сочи будут удержаны до прихода нашего полка.

Перевал взяли, под гору было идти легче, но все настолько были изнурены, что идя тропинкой, наш баталион в движении спал. Странно думать, что можно идти и спать. Юнкера шли бодрее, (они были в резерве) и нам помогали. Чуть на минуту останавливались, как все падали на землю, не обращая внимания на то, что было под ногами. К утру кризис миновал, усталость осталась, но сон немного перешел. Вышли в долину и направились к Сочи, но Сочи сдали на рассвете. Сообщил нам это случайно проезжающий конный всадник. После такого сообщения все пали духом. Конца не видно, где можно было бы отдохнуть, а сил больше нет.

Отдано распоряжение о небольшом привале. Расположились около реки и разрешили варить кофе, но каждую минуту быть готовыми к встрече противника. В Сочи затрещали пулеметы. „Поднимайсь!“ И снова в горы. Только пройдя горами верст 10 по направлению к грузинской границе, мы встретили конных, которые нам сообщили, что нас ждут в Хостах, там будет дневка. От этих всадников мы узнали, что позиция находилась между Сочи и Хостами.

В это время мы уже находились за фронтовой полосой, но Хосты от нас были еще далеко, нужно было сделать около 20 верст. Нас мучила жажда, а пить воду запрещали, вода еще больше нас истощала и делала бессильными; но здесь мы уже шли медленнее и делали более длительные привалы. К вечеру мы немного отдохнули, жара опала и мы пошли бодрее.

При переходе моста через реку Мацесту, нас встретил нач. шт. полк. Др.: четко ответили ему на приветствие и продолжали свой путь.

За изгибом показалось маленькое расбросанное в горах местечко Хосты. К нему подошли мы уже совсем ночью. 17 апреля (по ст. стилю) утром нам сообщили, что наш баталион назначается для несения гарнизонной службы местечка Хосты. На позицию больше не пойдем, такие слухи носятся в баталионе, но никто не знал почему. Стрельбы тоже не слышно, хотя позиция недалеко. Мы уже немного отдохнули и кроме обслуживания баталиона, обслуживали и Хосты. Вечером высылались в дозоры. Моя очередь пришла в полночь, Я с своим „сожителем“ по тройке Г. взяли винтовки и направились к штабу ген. М. Еще издали увидели, что там толпятся казаки. Подошли ближе, слышим и не верим: штабной офицер информирует казаков о том, что уже есть принципиальное соглашение о мире с большевиками, подробности его будут известны завтра.

Мы сейчас же возвратились в сотню и доложили ком. сотни, он не поверил, но в это время к ним зашел младший офицер сотни и подтвердил это, при чем добавил, что ком. бат. решил завтра отправиться с баталионом в Адлер. Это было в ночь с 17 на 18 апреля 1920 года (по ст. ст.).

♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦

П. Нос.

Случайные встречи и разговоры.

(Из путевых заметок).

... Поезд отправился точно в одиннадцать часов ночи.

В вагоне было холодно. Пассажиров мало. Сидеть одному скучно. Вспомнил, что я еще в городе, купил болгарскую газету „Мир“. Разворачивая, бегло просматриваю ее. Не читается. Оставляю и вытягиваю из кармана „Вольное Казачество“, №. 32. Машинально разворачиваю и попадаю на статью О. Долинского „Евразийство“.

Напротив меня сидит господин, судя по его внешности, интеллигентный. Присматривается к читаемому мною журналу. Посмотрел, посмотрел, потом вытягивает папиросы и предлагает мне закурить.

Я не стал отказываться. Закуриваем и между нами завязывается разговор.

Спрашивает меня: Вы казак?

— Да, говорю, кубанский казак.

— А Вы — русский? спрашиваю его.

— Нет, я не русский. В России воспитывался.

— А что это у Вас за журнал? спрашивает он меня.

— Это „Вольное Казачество“, говорю ему и показываю журнал. Среди казаков есть большое течение, исповедующее идею этого журнала: создание самостоятельного Казачьего Государства.

Немного призадумавшись, мой спутник говорит: Много пришлось мне слышать про казаков хороших отзывов, также много про них читал, но в казачьих краях не пришлось мне побывать, — война помешала. Я, говорит, был: в Одессе, Москве, Петрограде, Могилеве, Киеве, Брянске и других маленьких городах.

В Могилеве в 1916 году, когда туда приезжал царь. Видел на смотру там казаков кавалеристов. Знаете, восхищался их посадкой и стройной фигурой. Встречался с отдельными казаками еще в России, от которых слышал о их жизни, их быте и о их нравах.

Разговор велся далее на самые разнообразные темы.

Заглянув в часы, мой спутник сказал: Как жалко, — сейчас без двадцати минут час. Мы приближаемся к станции Мездра, на которой я должен буду встать.

Поезд в это время замедлил ход и через несколко минут, остановился.

Вставая, он, подав мне руку, сказал: имейте веру в ваше Святое Казачье дело. Я верю, что ваш голос правды будет услышан другими и вам помогут. Досвиданья. Надеюсь, что в Софии еще встретимся, вот мой Вам адрес. И подал мне маленький клочек бумаги, на котором был написан, адрес его дома.

На станции Мездра, поезд стоял не долго. Третий звонок, раздался гудок паровоза и поезд медленно двинулся, потом еще один два гудка и поезд покатил своим обыкновенным темпом.

Монотонные зруки колес вагонов, — таку-так, таку-так, клонили меня ко сну.

Путь от Мездра до Вратца, куда я ехал, был не большой и приблизительно через полчаса, поезд остановился на станции Вратца.

Маленькая, покрытая только что выпавшим снегом станция, неприветливо приняла своих гостей.

Погода была мокрая и холодная. Дрожь пробегала по телу. Со станции в город всем пассажирам пришлось итти пешком. Пройдя в центр города, я зашел в отель „Болгария“, в котором и остановился. К моему счастью, служащий отеля, оказался казак кубанец. Иван Васильевич К, с которым мы и просидели почти до четырех часов утра в разговоре на самые разнообразные темы.

Он мне рассказывал о жизни казаков, которых было во Вратце около 10 человек. За исключением его одного, все были донцы. Большинство из них женаты на болгарках. Общественной жизнью мало интересуются. Донцы получают из Софии какой то информационный листок. Завтра, говорит, Вы можете их увидеть, если не всех, то многих из них. Завтра как раз базарный день.

Я ему рассказал о жизни казаков в Софии, рассказал о казачьих организациях и когда сказал, что есть Вольное Казачество, он сказал: А мы про него до сих пор ничего не слышали. Я ему вкратце рассказал об идее Вольного Казачества и подал после того журнал „В. К.“ Поблагодарив меня и пожелав спокойной ночи, он ушел, а я лег спать.

Утром, в 8 часов утра, я отправился по городу, чтобы осмотреть его. К часам одиннадцати дня был на базаре. Идя по базару и заглядывая то в одно, то в другое, встречаю человека вышесреднего роста, средних лет, в штатском пальто, в сапогах с длинными голенищами. Сразу видно, что казак. Останавливаю и

спрашиваю: простите, Вы Русский? — Кто, я? нет, говорит, я казак, донец.

— А я кубанец, говорю ему. Приехал сюда по делу. Сейчас хочу побродить по городу, чтобы посмотреть.

— Вы, что первый раз во Вратце, спрашиваег.

— Да, говорю, первый. Ну, что у Вас нового?

— Нового нет ничево. Живем, Слава Богу. Иван Никитич получает информацию, но ее, окромя ево, никто не читает.

И пошли по улице, разговаривая. По пути заходим в ресторан, садимся и опять тот же разговор, что и ночью с Иваном Васильевичем.

Уезжая из Вратца, я обещал им, через Ивана Васильевича, выслать журнал „Вольное Казачество"...

♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦

Б. О.

Странички прошлого.

До сих пор еще среди части казаков существует мираж, что якобы б. Российское правительство особенно „трогательно" заботилось о казаках и шло охотно навстречу всем культурным и экономическим нуждам казачества.

Но, так ли это было в действительности?

Припомним, хотя бы, как и каким образом проводились на Кубани железные дороги.

Чтобы добиться права постройки „за свой, станичный счет" весьма важной для Кубани в культурном и экономическом отношении Ейской ж. д., которая соединила ряд крупных, богатейших станиц с морским портом Ейском и дала выход к морю кубанскому хлебу — пришлось хлопотать... 30 лет.

Только после того, как Владикавказская ж. д. отказалась от ее постройки, был утвержден в Петрограде „злополучный" проект. Утвержденный правительством проект Ейской ж. д. весьма отличался от первоначального,

В Петрограде проект был значительно изменен и переработан в интересах Владикавказской ж. д., так как правительство заботилось не об экономическом развитии Кубани, а о том, чтобы уменьшались доходы Влад. ж. д.

Направление и постройка не менее важной во всех отношениях для Кубани Кубанско-Черноморской ж. д. было проведено тоже весьма убыточно.

Вместо предполагаемого значительного сокращения пути между столицей Кубани Екатеринодаром и Ростовом во избежание отвлечения части грузов от перегруженной и не справлявшейся со срочными перевозками Влад. ж. д., Пр-во изменило направление Куб.-Черном. ж. д. и она потеряла транзитное значение, ее доходность значительно уменьшилась и она стала служить под'ездной дорогой для Влад. ж. д. и для увеличения ее доходов.

Что же касается портов Кубани: Анапы, Темрюка, Ясенской, Ахтари, то они не были совершенно оборудованы и заграничные пароходы предпочитали нагружаться в „русском" Новороссийске. Этот город в 1896 г. был отнят от Кубани, потому что для русских сановников потребовалось место губернатора и земли под дачи на Черноморском побережьи. На оборудование порта в Новороссийске б. российское правительство затратило миллионы рублей и все же порт и город всегда страдали от Норд-Оста, иногда выбрасывавшего пароходы на берег. На благоустройство же портов Кубани ассигновывались до смешного малые суммы: 500—600 рублей ежегодно.

Прекрасные кубанские курорты и лечебные места: Анапа, Горячий Ключ, Теберда, Тузла, б. российское правительство искусственно задерживало в их росте и не только не строило шоссе и гостинниц, но даже запрещало делать это другим, во избежании конкуренции своим курортам, на которые оно затратило миллионы рублей. И все же эти российские курорты и по красоте природы и по целебности своих вод были гораздо хуже кубанских.

Что же касается просвещения на Кубани, то следует припомнить, как и сколько времени добивались станичные общества об открытии в своих, порой достигающих 30—40 тысяч населения, станицах гимназий.

В станицах Медведовской, Мышастовской, и в ряде других, станичники в возбуждаемых ими пред правительством ходатайствах об открытии гимназий, предлагали под школу землю, построить здание, и нести расходы по отоплению и освещению, но им, конечно было отказано: „у казаков имеется больше, чем нужно, средних школ".

В станице Брюховецкой, чтобы открыть двухклассное училище, пришлось „пожертвовать" в канцелярию Начальника Области Малама 500 рублей.

Реальное училище удалось открыть только перед войной, хотя хлопотали об этом чуть ли не с 1888 года.

Историю одного подобного ходатайства я и хочу здесь, по памяти, рассказать. В августе 1918 г., после взятия нами на Кубани г. Екатеринодара, для моей части был предоставлен на Рашпилевской улице дом Улагая, где еще накануне помещалась какая то советская областная канцелярия.

Стремясь привести комнаты в жилой вид после „московско-советского" хозяйничанья, я, среди куч мусора и множества полусожженных бумаг, наткнулся на несколько дел из архива Наместника Кавказа, эвакуированного русскими властями из Тифлиса в 1915 году.

В делах помощника Начальника Управления Гражданской властью на Кавказе Петерсона я нашел несколько обрывков бумаг весьма меня заинтересовавшего документа: ходатайства станицы Баталпашинской об открытии в ней гимназии. Затруднительно даже только перечислить те канцелярии Тифлиса, Екатеринодара и Новочеркасска, а также самого Петрограда, в которых побывало это ходатайство. Судя по отдельным резолюциям, справкам, сношениям, отношениям, рапортам и докладам, дело об открытии гимназии в станице Баталпашинской тянулось с 2-го ноября 1892 года по 20 ноября 1905 года.

Несколько характерных резолюций и мнений мне удалось записать и сохранить до сих пор. Я позволю себе привести несколько наиболее интересных.

Обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев на докладе своего секретаря кладет такую резолюцию: „Согласен, гимназия вредна. Казачья интеллигенция сплошь неверующая, к чему ее насаждать".

Министр Народного Просвещения Сипягин 25 апреля 1903 г. пишет с возмущением: „Казаки военное сословие, им гимназия не нужна, удивляюсь ходатайству".

Товарищ Директора Департамента полиции 24 мая 1904 года дает такой отзыв о Баталпашинской гимназии: „Открытие гимназии — начало разложения казачества, как войскового сословия... Оканчивая гимназию, казаки будут поступать в Университет; с появлением студенчества в станице начнется революционная пропаганда, критика правительства, требование конституции. Гимназия нужна кучке крикунов-интеллигентов, чтобы бороться с правительством. Казакам гимназия не нужна, в крайнем случае можно открыть низшую ремесленную школу".

Предводитель дворянства Кубани, Терека и Ставропольской губернии также против открытия гимназии. Он пишет: „на Кубани дворян немного, казачество нужно как воинская сила; для дворян хватает средних учебных заведений. Ввиду некомплекта казачьих офицеров правильнее открыть в Екатеринодаре Военное Училище или Кадетский корпус".

Несколько раз злополучное ходатайство возвращалось на Кубань, пока не закончилось Высочайшей резолюциею:

„Не понимаю, зачем казакам гимназия. Не лучше ли вместо ненужной гимназии — манеж?

НИКОЛАЙ. (30-XI-05 г.).

♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦

Думы и мысли.

Слушай.

Слушай! Вечная память павшим бойцам!
Слушай! На поклон не пойдем мы к врагам!
Слушай! Вечная слава всем казакам!
Слушай! Жив дух казачий, жив Атаман!

Плотнее ухом к земле! Слышишь-ли ты, славное, родное Казачество, что на тебя идет усиленная охота. Пред тобой расставлены всевозможные сети. Одни обещают, что тебя, свободное Казачество, в свободной России ожидает почетное место. Так ли это? Вспомните, станичники, свободную Россию в 1917 году! Тогда, в пору расцвета свобод, Временное Правительство устами г. Чернова громко и цинично заявило: „Казакам придется потесниться". А потом, несколько позднее, то-же Правительство устами своего Главковерха г. Керенского об'явило Тихий Дон мятежным и для подавления мнимого Калединского бунта мобилизовало Московский и Казанский военные округа. Не забудьте, казаки, это все было как раз в дни самой свободной России! Такое же почетное место ждет славное Казачество и в будущей свободной России! „Благородный россиянин" на окраины смотрит, как на свои потомственные поместья, где ему все должны служить.

Другие предлагают Вам, казаки, послужить матушке-Московии, как „деды Ваши, отцы", т. е, как в песнях, сложившихся в период закабаления казаков. Эти откровеннее: они просто Вам, казаки, говорят про возврат к тому старому, когда с 1700 годов по 1917 г. казачество было данником Московии. Особенно в этом направлении старается некоторая казачья старшина. Как когда-то она способствовала подчинению Казачества Московии, так и теперь она действует в том же духе, в надежде получить какое нибудь отличие, а некоторые втихомолку видят себя даже владельцами тех земельных участков, которые были даны им из общей казачьей сокровищницы безцеремонным Московским центром. Не думайте, станичники, что те, кто Вас влечет к Московии — это казаки! Нет! Это — утратившие честь и достоинство казака! Они крепко усвоили себе взгляд Московии, которая на протяжении ни одного века старалась выработать из казака раба, безпрекословно выполняющего волю господина. Недаром Московия и звала казака „казачком", роль которого прислуживать, быть на посылках, да на запятках. И казачьи неделимцы не только ролью „казачка" не гнушаются, а стараются для усиления себя, уловить тех простодушных и доверчивых сынов Славного Казачества, которые, будучи всегда честными, не помышляют о том, что с ними могут поступить нечестно.

Третьи предлагают Вам, казаки, теперь же присягнуть на верность матушки-Московии и одновременно казачеству. Вы, станичники, знаете, что двум богам молиться нельзя. Если присягнешь Московии — изменишь Казачеству. На такую присягу пойдут те, кто не гнушается ролью „казачка", кто сам раб и любит рабство, кто ради своих личных выгод готов над казачеством поставить надмогильный крест.. Истый казак присягнет лишь Казачеству! Если же этого не будет, исчезнет и сам казак!

Итак, родное казачество, выбирай дорогу! Выбирая же помни, что одни поведут тебя по путям рабского прислуживания, падая ниц пред своими повелителями в ожидании подачки, другие же, гордые сознанием, что они не рабы, пойдут с тобой по путям казачьим ни от кого не завися, не перед кем не кланяясь, а лишь поручая свою волю своим избранникам.

А. Донец.

Белград.

Можно-ли молчать?

Братья, вольные казаки! вот уже десять лет, как обитаем мы в чужой земле, под покровительством чужих законов, гарантирующих полную свободу и неприкосновенность каждому из нас, где мы так свободно можем выражать свою мысль, где нам предоставляется широкая возможность говорить одним языком, одними устами, глубоко веровать в пророчество старины; никем не преследуемые, никем не подслушиваемые, можем отстаивать казачью волю, казачье право, казачье Божество.

Раз нам суждено было покинуть родную землю, чтоб получить политическую свободу, то на нашей совести, — совести Атамана, офицера и казака, — лежит священная обязанность, с напряжением всей наличности казачьих сил использовать наше положение. Стыдно, братья, хвастаться словами, или искать только материальных благ, предавая в жертву братьев на поругание злодеям. Неужели же прошлое, а также настоящее там, на Родине, нас не тревожит?

Дикие племена просыпаются из заколдованного сна и невежества и уже отчетливо одним языком выговаривают: „Наше национальное право". А мы продолжаем оплакивать Кремль — седалище царских мудрецов, отталкивая протянутые костлявые руки наших братьев, стонущих под игом красных завоевателей...

Братья, казаки, чем мы особым можем отметить десять минувших лет нашей свободной политической жизни на чужбине? Где наши достижения? Чаша страданий оставшихся там в мужицкой неволе гораздо горше нашей здесь. Прислушайтесь к этим воплям и стонам, — не наведет-ли вас это на размышление, здравый казачий рассудок на то, что там кровь, сожжение, что там наши братья в лохмотьях, со звенящими кандалами мужественно идут на красную Голгофу... А за что? За Казачество, Тихий Дон, родную степь...

Мы обязаны всю духовную тяжесть борьбы взвалить на свои плечи и безропотно нести до конца. Но, к великому прискорбию, некоторые из нас создают искуственное затмение, прикрывая царским хламом — грамот и проч., восходящую звезду Казачества. Можем-ли мы найти оправдания в будущем перед тенью мучеников и перед проклятьем наших родных семей? На ком лежит тяжкая ответственность за бытие казачества и те муки, которые переживают наши братья в Соловках и холодной Сибири? Что сделано нашими вождями, которым была вручена судьба Дона? Вспомните трехлетнюю практику казачьей конституции. Верно, что устройство было казачье, но сила энергии Деникинская.

Вечная память казакам, положившим душу за други и волю, но горька юдоль наша здесь и оставшихся на родине. Мы верили в мудрость своих народных избранников, мы, по традициям казачьей простоты, были покорны, исполнительны, храбры и бесстрашны, но мы не досмотрели того обстоятельства, что привело нас к поражению, изгнанию и порабощению.

Как величественно звучат: Донской флаг, Донской гимн, Донской герб. Разве это не символ государственной независимости Дона? Разве это не говорит о Донской казачьей республике? Нет надобности перечислять исторические повести и количество веков казачьего бытия, т. к. уже достаточно неопровержимых доказательств, чтоб привлечь серьезное внимание мира к Казачеству, стонущему под игом московской тирании. Но в лице кого должен бы быть современный Юлий Цезарь бросающий жребий счастья? В лице того, кому вручено казачье первенство, кто носит атаманское достоинство, кто хранит казачью святыню — пернач и булаву. Но, вместо же метания казачьего жребия, Дон. Атаман по каким то таинственным побуждениям, вздумал убеждать казаков в его государственном, экономическом и политическом бессилии (В. К. С. №. 14, 15) и ставить свой родной народ ниже всякой существующей породы, обитающейся на земле, не способного к жизненному творчеству, разве только под мужичьей зависимостью.

Ваше превосходительство, не вменяется-ли подобная проповедь в великий грех перед лицом порабощенного края и народа, избравшего Вас?

Братья, я не преследую цели политической ненависти и не горю жаждой мести. Вспомните минувшие годы, как коммунисты — они же хищные мужики, милли-

онами ртов вопили, о воле, свободе, но в то-же время с шумом дикого рева вторгнулись в чужую землю, в чужие курени, предавая все огню и мечу, оскверняя святыни, угоняя скот и проч. „Казачество стереть с лица земли!“ Ведь этот девиз не выдумка последних дней революции, а этот девиз созрел давно, но привести его в исполнение удалось только в минувшую революцию. Казачество разрушено, но не уничтожено, в это верить должен всякий из нас, я не беру на себя роль уговаривающего, да и кого и в чем уговаривать? Мы все живые свидетели минувших событий. Не место раздорам среди Казачества, но таковые имеются.

Многие еще утешают себя призраком „единой неделимой“, но все это напрасная трата времени. Все сменяет время и без времени ничего: время любить, время ненавидеть, время созидать, время разрушать. И вот сейчас-то и происходит, очевидный процесс медленного распада б. Российской Империи. Римская Империя также распалась на составные части. И слава Богу все живут, не опасаясь ни поглощения, ни насильственного порабощения сильнейшими народами.

И вот мы, казаки, должны быть подготовленными собственными силами братского об'единения к событиям грядущей истории, к истории желанных чаяний, чтоб вновь увидеть родной Дон, родную степь, разрушенное место, — колыбель нашего детства. Но, если нам не суждено увидеть пределы родины, чтоб поклониться праху павшим, то все таки наш долг заложить несокрушимую основу бессмертного бытия казачества, для поколения, грядущего нам на смену. Величайший грех измены и выдачи не должен повториться вновь...

Я не намерен оскорблять моего Атамана и унижать его достоинство, но гнетущая скорбь моей души, пробуждает во мне образ порабощенного нашего края, алчные разгулы, злорадный хохот и издевательства красных хамов над нашими братьями, взор которых обращен к нам, мы же... безмолвны, кротки и невозмутимы. В то время, как к нам протягивают в муках изсохшие, родимые руки, может-ли молчать сердце Атамана и казака? Свежие силы Казачества, поднявши В. знамя, не удостоились отклика и одобрения Атаманов...

Посеешь волю, свободу пожнешь. Но, упаси Боже от таких казачьих сеятелей, как г. Добрынин, который в книге „Казачество“ (стр. 70) договорился до интересной данной для разногласия. Но до конца г. Добрынин сказать посовестился...

Братья казаки, если у нас не огрубело сердце и не заглохла душевная скорбь и тоска, то мы должны мобилизоваться по приказу собственной совести, пополняя ряды В. К., для решительной борьбы с захватчиками и поработителями нашей земли.

„Жатвы много, но мало делателей...“

Шлю низкий поклон Вольному Казачеству и славным вольным рыцарям Верхне-Донцам.

1-го апреля, 1929 г. Болгария. **Павел Кудинов.**

Не казаки о „В. К.“.

Посвящается журналу „Вольное Казачество“.

Казачества Вольного голос
Сзывает лихих степняков:
... „Создайте один только колос
Из ярких казачьих цветов...“
Великий час когда настанет
И первый луч „Зари“ блеснет,
Трубач в станице заиграет
И атаман рукой махнет...
На сбор станичный все пойдут...
Решать судьбу пора пришла...
За вольности скорей умрут,
Така уж доля казака...
И пусть враги не строят козней —
Традиций лет им не менять;
Их голос уж теперь не грозен —
Казак сумеет устоять!

Lak...

Казачьи песни.

Собирают *Николай Букин* и *Борис Кундрюцков*

(1)

На горе казак зародился,
На горе вырос сиротой,
На горе на свет появился } 2 раза
С своею буйной головой... }

Он нищим рос в своей станице,
Но вырос храбрым казаком,
По нем красавицы-девицы } 2 раза
Страдали сердцем и умом... }

Вот ворон каркнул на березе,
Вдали чуть слышно полночь бьет...
Казак тихонько выступает } 2 раза
И на могилу он идет... }

Вокруг могилы зеленеют
Кусты сирени, виноград...
А кто зарыт в этой могиле? } 2 раза
Зарыт его отец и мать... }

Слеза на грудь его скатилась,
И он в последний раз сказал:
— На горе казак зародился,
На горе вырос сиротой,
На горе на свет появился,
С своею буйной головой...

———

(2)

Под ракитою зеленой
Казак раненый лежал,
С кинжалом в груди, пронзенный,
Крест свой медный целовал... (2 раза)

Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок,
И уже слетались враны
Чуя лакомый кусок... (2 раза)

— Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой,
Ты добычи не дождешься,
Я — казак еще живой... (2 раза)

Вдруг раздался клич военный,
Снова грянул жаркий бой,
И к раките прислоненный
Услыхал его герой... (2 раза)

Услыхал и приподнялся,
Как мертвец среди могил,
Услыхал за шашку взялся,
Но упал лишенный сил... (2 раза)

———

(3)

Сбирайся, ребята, в летучий отряд,
Поедем далеко в разведку.
На долю нам выпал тяжелый наряд,
Покажем казачию сметку...

Живей, не копайся, седлайте коней,
Винтовочки чище протрите,
Уедем далеко от сотни своей
Патронов побольше возьмите...

Быть может мы едем в последний наезд,
Прощай хутора и станицы...

Погибнет под пулями конный раз'езд,
В крови будут бледными лица...

И вот справа по три идут казаки,
Дорожкой, что шла меж курганов,
Свои вспоминая минувшие дни,
И славу былых Атаманов...

Вот свиснула пуля и пал командир,
А сотня в атаку пустилась,
И кровью покрылся казачий мундир,
И шашка в бою затупилась.

И вечная память и вечный покой,
Герою-отцу командиру,
В земле спи, казак, ты, навеки сырой,
А слава гудит пусть по миру...

———

(4)

— Скажи-станичник мне в чем дело,
Что приключилося с тобой?
Иль матка-служба надоела,
Иль заболел твой конь лихой?..
Скажи, станичник, нас тут двое,
Иль ты красотку полюбил,
Твое забилось ретивое,
Или тебя кто огорчил?
. . . . . .
Мой конь болезни не боится,
В бою под пулями он ржет,
Коню на месте не стоится,
Копытом грозно землю бьет...
Я не красотку, не молодку,
Я не девченку молоду,
Люблю страну свою родную,
Люблю отца и мать свою...
В чужом краю Дон вспоминаю,
Люблю отца, старушку мать,
И потому слезы роняю,
Что не прийдется их обнять...

———

(5)

Ой, фортуна, моя фортунина,
Что не служишь, как раньше служила?
Ой служила ты в панстве,
Послужила во бурлатстве,
Послужи-ка ты мне во казацтве...
Казак коника, братцы, седлает,
А фортуна на хвост наступает:
— Ой куда-ж казак едишь,
Ой куда-же уезжаешь,
Отец с маменькой все родные плачут.
Как поехал казак долиною,
Как там встретился, тот казак с бедою...
— Ой здорова ты дивка,
Ой здорово молодая,
Ты на что меня казака старела?..
Ой, не я тебя казак старела,
Ой, состарила тебя прежня доля,
Ой не пил бы горилки,
Тай не любил чужой жинки,
Ты был бы молодец казак хороший...
Как поехал казак по над яром,
Как заглянул во те, во подвалы —
Как во тех во подвалах
Они сидят, пьют — гуляют,
Свою долю они проклинают.

Международная жизнь.

С. С. С. Р. и нефть.

У французской полиции, говорят, выработалось правило во всяком преступлении „chercher la femme“ (искать женщину), ибо женщина в значительном большинстве случаев является той исходной точкой, откуда исходят нити зла. В переводе на язык дипломатии и в применении к мировой политике нашего времени это правило бы звучало: „искать нефть“. Вокруг нефти идет мировая борьба наших дней. И неудивительно, что одна из главных схваток упорной борьбы между капитализмом и коммунизмом произошла в нефтяных делах. Прошел уже месяц от момента, когда был закончен бой; пора подвести итоги.

Три фигуры обозначились в этой борьбе. Во-первых американская Стандарт Ойль Ко. Сила и финансовая мощь этого предприятия может быть охарактеризована одной фразой: она превосходит вдвое довоенный бюджет... Франции! Политика предприятия тоже „проста“ и характеризуется словами Бэффорда, председателя кампании: „американские доллары будут посланы всюду и по любому курсу, где есть малейшая возможность приобрести нефть“. Вторая фигура — трест Ройяль Дач Шелль, по словам Ллой-Джорджа „смело смотрящий прямо в белки доллару“, обладающий 40 филиалами во всех концах света, наливным флотом в 1.300.000 тонн и предводительствуемый Детердингом — „Наполеоном нефти“. И, наконец, большевики с „непобедимым“ Внешторгом.

Нефтяные богатства царской России издавна дразнили аппетиты иностранцев. Русские нефтяные общества были сильно зависимы от иностранного капитала (Нобель! Ротшильд!). Советское правительство аннулировало все договоры, национализировало источники, об'явило государственную монополию по торговле нефтью. Падение добычи нефти на 3,5% в 1922 г. (вместо 20% в 1914 г., каковой цифрой выражалось тогда участие России в мировой добыче) однако быстро отрезвило большевиков и заставило их подумать о привлечении иностранного капитала. В продолжении ряда лет они ловко использовали несогласие в рядах нефтяного капитала. В 1924-25 г. г. английская нефтяная группа вела тайные переговоры с Москвой. Они не увенчались ничем. Начался бой. Когда Чемберлен приказал произвести обыск здания Аркоса, что привело к разрыву дипломатических сношений, за его спиной стоял нефтяной трест сэра Детердинга. Действовал он тем решительней, что незадолго перед разрывом дипломатических сношений с СССР английский трест заключил соглашение с Стандарт Ойль Ко в целях об'единенного фронта против большевиков.

Бесконечными уступками американцам большевики пробили об'единенный фронт. 2 крупные кампании заключили с ними договор. Борьба об'единенного нефтяного капитала против СССР превратилась из за этого в ожесточенное сражение нефтяных трестов между собой. Детерминг бросил десятки миллионов на пропаганду против американских купцов „краденой нефти“, но эти купцы держались стойко. Положение усложнялось тем, что Рокфеллер оказался во главе концерта, который в одно и тоже время контролировал тресты обоих дерущихся сторон. Большевики торжествовали. Но... черный день настал и для них. Рокфеллер повел переговоры с Детердингом. Англо-голландский трест основал 3 общества в Балтийских странах и вытеснил оттуда большевицкую нефть. Прошло еще некоторое время и СССР оказалась перед об'единенным мировым фронтом нефтяной промышленности во главе с Детердингом. Вдобавок ко всему группа Шелля обеспечила себе контроль над 85% кавказских нефтяных промыслов, принадлежащих ограбленным большевиками прежним владельцам. Карта на „раз'единение“ капиталистов была Детердингом побита. После недолгой борьбы красная Москва принуждена была начать переговоры, несмотря на то, что основное условие, выставленное Детердингом (пятипроцентное отчисление в пользу всех старых собственников), означало для большевиков отказ от основного принципа государственной их политики. Переговоры кончились заключением соглашения, сделавшего явным полное поражение СССР. С давно ис-

пытанной наглостью советская пресса пыталась осветить соглашение, как новую победу пролетариата. По ее утверждениям соглашение предоставляет якобы советскому нефтяному тресту долю английского рынка и дает возможность поставлять нефтяные продукты группе Ройяль Дач Шелль, не предусматривая в то же время никакой компенсации владельцам конфискованных нефтяных промыслов. В обращении к членам возглавляемой группы Детердинг довольно лаконично и остро опроверг все эти толки, заявив, что: 1) советский нефтяной трест не получит доли британского рынка, равной долям других кампаний; 2) что соглашение не предусматривает продажи советских бензина и керосина предприятиям Шелля; 3) что в отношении других продуктов соглашение предусматривает компенсацию владельцев конфискованных предприятий, т.-к. цена, заведома для продавцов, установлена ниже цен мирового рынка, и разница дает возможность компенсации потерпевших.

Т. об. начало 1929 г. внесло в историю „победоносного" красного пролетариата новую „славную" страницу — компенсацию убытков бывших нефтепромышленников! Компенсация эта облечена в несколько скрытую форму — тем менее чести для большевиков, если им нужно так мало, чтоб чувствовать себя „нес'еденными овечками": а волки то сыты!

Казаки и международная журналистика.

4 — 8 сего апреля в Праге состоялся с'езд исполнительного комитета Международной федерации журналистов.

В с'езде приняли участие представители журналистических организаций 14 различных государств; за русских журналистов присутствовал П. Н. Милюков.

При открытии заседаний в числе иных приветствий было приветствие и Куб. Союза писателей и журналистов, переданное присутствовавшим на с'езде секретарем Союза д-ром С. Федоровым, следующего содержания:

„Союз Кубанских писателей и журналистов имеет честь приветствовать представителей Международной федерации журналистов в их продуктивной работе на благо и мир мира.

Мы казаки-эмигранты, в особенности желаем мира и покоя для нашей исстрадавшейся Родины. Еще в 1917-18 г. г. казачьи Парламенты и Правительства провозгласили независимость своих Земель и дали им демократические конституции; казаки до конца 1920 г. мужественно защищали с оружием в руках родную Землю и свое право на самоопределение, но были сломлены силой.

В 1917 г. казачьи государства Дон, Кубань, Терек, вместе с Вольными народами гор и степей сделали попытку об'единиться в государственный Юго-Восточный Союз. Казачество мыслило себя народом и сувереном своих Земель.

Мы еще не являемся членами Вашей федерации, но вполне разделяем ее высокие цели; быть может с Вашей помощью скоро уже придет то прекрасное время, когда мы, представители народового Казачьего государства придем к Вам и будем приняты равноправными членами.

Вашей работе желаем наилучшего успеха".

Всем делегациям была предложена инфомационная литература о Казачестве, его территории и ее населении, программа Вольного Казачества и журнал „В. К.", а кроме того поданы и устные раз'яснения казачьих стремлений. Все это было принято с должным вниманием и интересом, в результате чего с некоторыми делегатами происходили встречи и совещания еще в течении нескольких дней по окончании работ с'езда.

Казачья эмиграция.

Из жизни казаков в Румынии.

За трехгодичную жизнь по лагерям не один раз казакам приходилось переезжать из одного лагеря в другой. Но везде, куда бы казаки не были завезены, они сразу приспосабливались к новой обстановке и через день-два уже бывали хозяевами положения и на новом месте.

Так было и 1 января (как раз на Новый Год) 23 года, когда казаки переезжали из одного лагеря в другой.

Стояла холодная и необыкновенно-снежная зима. Снегу было навалено столько, что не было никакой возможности добраться от станции до города (до замка, где должны были расквартироваться). На станции станичным атаманом (б. тогда Прикарпатско-Богаевской станицы) и русским комендантом были распределены комнаты замка (расположение комнат знали, ибо были в этом замке в 21 г.).

Вскоре оказалось, что подниматься в лагерь всей станицею сразу нельзя, т. к. не только то, что комнаты были запущены, нечищены, но зачастую отсутствовали не только стекла, но и сами оконные рамы, полы и двери, а если где что и было, то все нуждалось в ремонте. Правда, румынская комендатура мобилизовала для скорейшей отделки лагеря все свои силы, но все-таки не могла рассчитывать на скорый перевод людей из холодных вагонов в лагерь. Тогда казаки решили сами отремонтировать свои комнаты. Были двинуты в лагерь плотники, стекольщики, и все нужные для этой надобности специалисты, и в течение одного дня все комнаты казачьего района были отремонтированы, вычищены и натоплены, На другой день по прибытии на станцию уже вся станица ночевала в лагере. Нечего и говорить о том, что румынская комендатура была очень довольна казачьей находчивостью и предприимчивостью...

С русскими же дело обстояло совсем иначе. Они упорно ждали от румын теплых квартир. Мерзли в холодных вагонах, но упорно ждали. Особенно „возмущался" „румынскими порядками" тот русский генерал, который был в одно время „почетным казаком". (см. „В. К." № 30). Он „грозил" румынскому коменданту, как „русский генерал", служивший „при трех императорах", на что первый только сдергивал плечами да, смотря в глаза „русскому генералу", как-то странно улыбался.

Целую неделю митинговали русские на станции, но потом (холод, также, как и голод, — не тетка) понемногу стали заявляться в лагерь, в свои разбитые, холодные комнаты. Казаки, правда, пускали русских к себе, но только „погреться". — Что у вас руки-крюки, что-ль? говорили они русским, — что вы шалаетесь, замерзая, а своих комнат не отделываете. Но русские люди — упорные (?) люди. Замерзают, валяясь на голом полу (даже нар не делали), но ждут, когда румыны (по праву-де) им приготовят...

В то время, когда румыны ремонтировали замок, а русские валялись, мерзнув, по голому полу, последним пришла в голову мысль (зачастую подобныя мысли приходили им в голову во время совместной их жизни с казаками) спекульнуть на казачьей предприимчивости. Русский комендант, конечно, принял их сторону. Румынскому коменданту было доложено, что-де казаки занимают много комнат, а им-де, русским негде жить, и потому они принуждены просить отобрать одну комнату от казаков. Вечером проходит по казачьему району целая комиссия, во главе с румынским комендантом лагеря. Казачьи комнаты теплые, чистые и светлые. Не похожи на холодные и грязные комнаты русского района.

Подсчитывается число казаков в комнатах: в одной 100, в другой 60 и в третьей — 40 (семейные расквартированы отдельно). „Густота населения" вполне „густая". Трудно сбить 200 человек в две комнаты. Это видит и румынский комендант и видит даже сам затейник, русский комендант, полковник Т., которому и

настаивать-то перед румынским комендантом как-то неловко. А тут еще казаки заявили, что комнат много, но русские — „большие паны“, ждут, когда им кто-то повычистит, да поисправит, а сами и за „холодную воду не берутся“. Понял румынский комендант в чем дело и не отобрал комнаты от казаков...

Прошло три месяца. Прошли холода, и растаял глубокий снег. Зазеленела травка даже на высоких каменных стенах замка. Сладкий, весенний воздух шумно врывался в пустые казачьи комнаты. Весна. Очередная сладкая и нудная... весна...

Молодежь вся на работе, в городе, а старью тоже не сидится в лагере — нудится. С глубокой тоской бродит оно по зеленому лугу и уныло смотрит на быструю, мутную воду неширокой реченки. Поднимет свою седую голову какой-нибудь дед — старый казак, взглянет направо, на красный, ошарпанный замок и опять ее грустно опустит, переведя свой больной взор на зеленый луг и на неширокую, полноводную и кудато так быстро несущуюся реченку. Чужую реченку, но милую его сердцу...

По вечерам, собравшись все в лагерь, долго шумят казаки, разговаривая, под впечатлением благоухающей весны. Иногда бывает что, поработав день, вечерком протянут рюмашку, другую. Ну, а раз казаки выпьют, то шуму вовсе, хоть отбавляй. И обязательно найдутся песенники. И не какие-нибудь, а громкие, азартные, казачьи. Ну, и тогда в смежной комнате, „русской читальни“ (потеснили-таки казаков, отобрав комнату под „читальню“) дело совсем было швах. Какое ж там чтение, когда, подпив, казаки начнут гукать в смежную им стенку „русской читальни?“ Тогда приходится не по нутру даже постоянным, привыкшим к чтению „читакам“, тогда ничто не может успокоить разбушевавшиеся казачьи комнаты, и тогда и бывший у „Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России“ „министр“ Ш., и семнадцатилетний, с блестящими погонами, подпоручик „Кока“ (Врангель произвел его, будучи уже в лагере. Был даже приказ по лагерю русского коменданта о его производстве), и никогда неумывавшийся и нечесавшийся „ученый“ (казаки его называли „нечесой“), и все, все бросают свою „читальню“ и рассыпаются кто-куда попало.

— Ишь, читаки, — бросают в сторону „министра“ казаки. — Вошь заедает, а они читают. А на работу ни-ни... Привыкли к „чтению“. Чудаки...

В. П.

† Гр. Ф. Реуцкий.

В полугодовщину кончины безвременно трагически погибшего друга нашего Григория Ферапонтовича Реуцкого, позвольте просить Вас помянуть его на страницах нашего и его излюбленного журнала „Вільне Козацтво“.

Погиб казак старого запорожского рода, „вольный казак“ брюховецкого куреня еще на далекой, ему безконечно милой Кубани, не увидевши своей родной станицы.

В последнее время он служил вместе с другими казаками кубанцами, на арендуемом, у правительства С. Х. С. бельгийским анонимным обществом, руднике медного колчедана при г. Майдан-Пек.

Еще 24-го октября поужинал он вместе со своим станичником Акимом Никитовичем Секретом и прощался веселый, уходя на 11-ти часовую смену, а в час ночи шесть казаков принесли его всего искалеченного и изорванного на ту же квартиру, где он, промучившись 10 часов в страшных болезнях, скончался. Доктор установил, что у него была разбита печень. Случилось это так: он со своим товарищем Рудиком вез на вагонетке дрова в шахту и не заметил идущего навстречу состава с материалами. Рудик успел отскочить в сторону и спасся, а несчастный Г. Ф. хотя и подался в бок, но был зацеплен вагонеткой и измят на смерть.

25-го его и похоронили. Похороны были казачьи-торжественные, пел наш хор под управлением Войск. Старш. Ивана Степ. Гавриша и все казаки и сербские селяки плакали, не веря своим очам, что они хоронят молодого, веселого, симпатичного Реуцкого.

А, как он, бедный, мечтал о „лучших днях“ и возвращении на родную Кубань!

„Подойдут они, ворушится казачество, подойдут — и все забудешь...“ писал он.

Вечная тебе память, дорогой друг, верный сын Вольной Кубани!

Павел А. Гувий.

† Г. Ф. Реуцкий.

Казаки в Греции.

В Грецию попало несколько тысяч казаков. В первые годы много из них уехало в СССР или унесено было в могилу свирепствующей в Греции малярией. Сейчас казаки живут по преимуществу в трех пунктах: в Салониках, Ларисе и Афинах.

В Салониках казачьей станицы нет, несмотря на то, что в районе Салоник находится до двухсот казаков, работающих зимой на земляных работах и служащих по селам, а летом уходящих в район Лариса, где выше плата и где легче найти работу.

В Салониках казаки, за исключением немногих, живут тяжелым физическим трудом, зимой плохо оплачиваемым, а постоянная, непрекращающаяся малярия ухудшает и без того нехорошее положение. Поэтому из этого района есть тяга на Афон, это единственное здоровое и безмалярийное место в Греции. Там есть работа как в греческих, так и в русских монастырях. Хоть плата там и не высока, но климат, чистота и сытая пища привлекают казаков. Монахи же, не в обиду им будет сказано, работать не любят.

Это место в Греции славится и натуральными винами, которых в других местах не найти.

Есть несколько и казаков, принявших монашество в Обители Св. Пантелеймона, а живущих в Обители Св. Евфимия.

Здесь пользуется уважением есаул Сенюткин и, как бы, об'единяет казаков на Афоне.

На Афон, как я сказал, идут одни, ища душевного покоя, другие, спасаясь от малярии.

Земляные работы в Салоникском районе крупные. Роется канал. Главным подрядчиком состоит кубанский казак Петров.

Район города Лариса, куда казаки идут на лето, и города Воло — это две больших местности в Греции, где занимаются хлебопашеством и обрабатывают землю культурным способом. Поэтому сюда стекается на полевые работы много казаков. И при известной экономии за эти летние месяцы можно заработать от 5.000 до 6.000 драхм. Говорю о рядовых работниках. Специалисты же получают выше, а среди казаков они имеются. Казачья работа ценится и оплачивается в больших размерах, чем самих греков, которые ленятся, да и малосильные, в сравнении с казаками.

Как пример, это — удивление местных жителей казаком Ейского отдела Кожумякой, который, нанимаясь, берет 100 киловый мешок, сажает на него сверху грека и говорит:

— Эх, мало свободного места, а то бы еще одного пинтоса посадил...

Ценится и честность казаков, которым дают ответственные места.

В самом городе Ларисе есть кафе Ивана Марковича Маркина — донца, живущего там безвыездно, женатого на гречанке и пользующегося уважением как казаков, так и местных властей. Те, которые уехали из Ларисы в СССР, были печально там встречены и слухи о неудаче возвращенцев надолго остановили от'езд в Родные Края.

Недостаток в газетах и журналах полный и Ваш журнал был бы очень желателен и даже необходим, т. к. каждый, приезжающий в Ларис казак, посещает это кафе, где выходит нечто подобное многочисленному казачьему сборному месту. Число казаков возрастает до 500 человек. Но станицы нет.

В столице Греции, в Афинах, казаки живут хуже, т. к. фабричный непостоянный труд плохо оплачивается, а жизнь дорога. Многие, особенно молодежь, поженились на гречанках, которые, кстати сказать, оказались очень хорошими женами.

В Афинах казаки встречаются в определенных пунктах, но так же станиц нет.

Джигитуют несколько групп. Из них самая известная группа — Войск. Старш. Ревы, кубанца. Греки народ тугой на карман, а дело у джигитов поставлено слабо, поэтому дела идут плохо. Понадеявшись на первые хорошие сборы, джигиты прилично оделись в кредит, справили обмундирование и проч. и хоть и много, действительно, заработали, но... получили денег мало. Условия страны тоже для джигитовок неподходящи.

Проще обстоит дело с музыкой. Два голоса и гармония делают свое дело, греки же более падки до музыки, чем до работы на коне. Все-же некоторые из них, старые греки и богатые, помогли и джигитам — это Звороновы и Фавиани... Был у джигитов и несчастный случай, так в районе Салоник, казак-терец задавил ребенка. Зимуют джигиты в Левадье и в других местах. Джигитуют по ярмаркам и вообще выбирают места со „скоплением" местных жителей.

Имеется в Афинах и Советское Торгпредство. Торгуют большевики углем, молодняком-скотом и консервами. „Расейская кансерва" везде здесь, в Греции, на базарах и в магазинах. Рабочих своих оплачивают фунтами, сов. служащие прилично одеты, а барышни-машинистки щеголяют нарядами.

Торгпредство занимает сорок комнат. Работают ан-гро.

Есть русские, которые обслуживают и эмигрантов и большевиков, как например доктор Плавнов. Русский т. н. центр, группируется около княгини Демидовой и русского госпиталя.

В общем можно сказать, что жизнь в Греции проста и свободна, труд самый разнообразный, отношение старых греков хорошее, казаков больше любят, чем турецких беженцев-греков же. Страшное дело вершит лишь малярия, оттого то казаки и бегут из Греции во все стороны.

Есть казаки-Красновцы, их очень и очень мало. С ними вышел и небольшой инциндент с портретом Вел. Князя Кирилла Владимировича, который они пробовали повесить в „кафе" Ивана Марковича Маркина.

Еще раз повторяю, что казачий журнал необходим, и он многому бы помог в смысле поднятия казачьего духа и об'единения казаков в Греции.

Со слов казака Апанасова записано Соб. кор-ом.

В зоологическом саду.

В двенадцати километрах от Ниццы, на берегу моря среди бедной растительности, раскинулся зоологический сад. Вернее, пожалуй будет, если я назову его этапным пунктом для зверей и птиц, привозимых в Европу из тропических стран. Чтобы избежать резких климатических перемен, звери и птицы пребывают некоторое время на Французской Ривьере, отдыхают от продолжительного морского путешествия, а затем уже, освоившись с европейским климатом, отправляются далее на север, преимущественно в Англию, Германию и Бельгию.

С группой своих друзей — иностранцев, поехал и я полюбоваться на прибывшую из Экваториальной Африки партию оранг-утангов.

Был праздничный день. Сад кишел народом. Даже рабочие, не жалея, протягивали в кассу десятифранковые бумажки, чтобы только поглазеть на „прародителей Дарвина". Осматривая клетку за клеткой, отделение за отделением, мы углубились в конец сада, где стояли скамейки для отдыха. Не успели наши дамы сесть на свободные места, как с другой стороны сада долетели до нас отчетливые звуки духовой музыки. Мы поспешно направились туда, но чем ближе подходили к оркестру, тем чаще смотрели друг на друга и, пожимая плечами, спрашивали:

— Что это такое? Неужели музыка? Это же игра сумасшедших?

Впечатление такое, как будто полковые музыканты, забравшись в рощу, разучивали ноты, или играли, каждый сам по себе, что взбредет в голову.

Но каково же было наше изумление, когда в качестве музыкантов перед нашими глазами предстали длинноногие пернатые, с золотыми хохолками, издающие такие „божественные" звуки собственным горлом.

Скажу откровенно, что подобных птиц я видел в первый раз и мое удивление и крайнее любопытство отразилось на собственной физиономии. Один из моих друзей, заметив это, пришел мне на помощь и по французски об'яснил, что сии пернатые относятся к одному семейству с цаплями, но отличаются от них совершенно иным оперением и золотой короной на голове.

— Вот, что значит пренебрежительное отношение к естественным наукам, даже не знаю, как называется это „насекомое"! — с горечью в сердце воскликнул я.

— Коронованная цапля! — послышался сбоку от меня незнакомый мужской голос.

Я повернулся в сторону говорившего. Возле меня стоял человек в синем рабочем костюме, в форменной фуражке с надписью "Jardin Zoologique" и с метлой в руке. Улыбающееся лицо с добрыми голубыми глазами смотрело на меня в упор.

Мы познакомились...

Из разговора узнал, что мой новый знакомый уральский казак — Бычин, окончив в Праге юридический факультет, перебрался во Францию и сразу же устроился на подобное амплуа. Служит уже второй год, получает 1200 франков в месяц при готовой комнате и считает себя вполне счастливым.

— С вами есть еще казаки? — спросил его.

— Нет! Сейчас один я. Служил ваш кубанец Иванов. Михайловской станицы, да, к сожалению, за сокращением штата рассчитали.

— Тяжелая работа?

— Не всегда. Иногда целыми днями ходишь с метлой и только, но, редко правда, попадаются тяжелые минуты. Когда прибывают новые партии, или нам при-

ходится отправлять в другие страны и грузить в вагоны, вот тогда достается!

— Каким же образом перегружаете хищных животных, или вот этих страшилищ, оранг-утангов?

— Есть особые передвижные клетки, но не смотря на все приспособления и предосторожности случаются и неприятные столкновения человека с диким зверем.

— Вы, вероятно, застрахованы и в случае повреждений получите премию?

— Да, но судебная волокита тянется годами. Вот видите, — показал он на ампутированный средний палец правой руки, — это укусил оранг-утанг, восем человек едва с ним справились, и только один я пострадал. Уцелел в степях во время похода, а здесь сделался инвалидом.

— Ну, это еще беда не большая, а вот многие казаки на заводах и фабриках лишились глаз, конечностей, здоровья... Это, я думаю, похуже!

— А что слышно нового? Когда же, наконец, домой?

— Осенью! — утвердительно сказал я.

— Да ну? Не может быть?! — обрадовался станичник.

— Кроме шуток. Вожди кормили веснами, а мы откладываем всякие поездки до осени, когда подсчитаем цыплят и кроликов.

— Вы занимаетесь хозяйством?

Я ему пояснил.

— Мой дядя, полковник тоже занимается птицеводством. Арендует ферму, имеет огород, инкубатором выводит цыплят и дело приносит приличный доход.

Кто-то из администрации сада крикнул ему, что нужно вычистить клетку бенгальского тигра. Уралец простился со мной и убежал, а я мысленно благословил его вслед.

Сергей Макеев.

Группа джигитов есаула И. Н. Сиволобова. Сидят (слева направо): Ив.Никиф. Сиволобов; Г. В. Алферов (наш корреспондент), Я. Р. Кириченко. Стоят: В. Кулик, Р. Персюк, А. Букреев и В. Нагорный.

Джигиты есаула Сиволобова.

После холодной стужи и продолжительной зимы, наступили первые весенние теплые дни. А с теплыми днями ожили и братья-джигиты, — кубанцы есаула Сиволобова.

Мне пришлось посмотреть эту весеннюю радость — джигитовку, которую казаки провели, как и всегда и всюду, с большим успехом.

Джигитовка в городе Тител (Бачка) С. Х. С. — была заказана на 24 марта, в 2 часа дня. Но в этот день — как раз с утра дул холодный ветерок, а к тому же было облачно и пасмурно. К полудню погода несколько изменилась и к 12 часам народ повалил на джигитное поле. Каждый хотел быть первым у продавца билетов — но его еще не было! он пришел в 1 час и успел удовлетворить всех только в ½ 4, когда началась и джигитовка.

Начало джигитовки было встречено бурными аплодисментами, а так же и все исполнявшиеся номера вызывали повторения. Джигитовка была исполнена по заранее намеченному плану. Под конец были: лезгинка, казачек и др. казачьи танцы, которые вызвали в публике небывалый интерес, — каждому хотелось быть передним...

Ряды старых наездников редеют, но их пополняют: новая казачья молодежь, которая так же гордо несет заслуженное казачье имя, что может доказать и сама фотографическая карточка. —

Несите... разносите и в будущем славу казачью станичники!

Орловат. **Г. А.**

Калмыцкий храм в Белграде.

В Представительство журнала „Вольное Казачество“ в С. Х. С. поступила просьба донских калмыков в С. Х. С. о том, чтобы „В. К.“ пришло на помощь по сбору пожертвований на Хурул (Буддийский храм), который калмыки думают выстроить в Белграде, имея уже землю и немного строительного материала.

Имея у себя подписные листы, прошу Вас, уважаемый г. Редактор, со своей стороны, помочь этому хорошему казачьему делу широкой оглаской и призывом к казакам.

Все пожертвования можно направлять или на адрес Редакции, или на Представительство в Югославии, или-же непосредственно в калмыцкую колонию по адресу: Циглана М. Иачимович, улица Краля Александра Санже Минькову на постройку калмыцкого храма.

При хуруле будет школа для детей, а так-же комната, для культурных нужд.

Б. А. Кондрюцков.

Среди калмыков во Франции.

Общее собрание калмыков, работающих на заводе „Визкознациональ“ в Echirolle, в целях усиления национального сплочения и взаимопомощи, образовало Калмыцкую станицу под названием: „Тепкинская станица“, в честь имени покойного полковника Тепкина, командира первого национального калмыцкого полка в Донской армии. Станичным атаманом избран под'есаул М. Буджалов, помощниками Буринов и Мухлынов, писарем Б. Ганушов. Станица имеет кассу взаимопомомощи, казначеем коей избран М. Басанов.

Смерть одного из Пугачевых.

В Панчевском госпитале скончался от туберкулеза потомок Емельяна Васильевича Пугачева, казак Александр Дураков.

После победы и расправы Екатерины над Пугачевым, Императрица приказала потомкам его именоваться впредь Дураковыми. Зимовейская станица, из которой был Пугачев, была переименована в Потемкинскую, дом Пугачева был сожжен.

Находясь в Донском Корпусе, будучи кадетом, Александр Дураков ходатайствовал перед Донским Атаманом и Правительством о перемене фамилии. Просьба А. Дуракова была уважена и он стал именоваться Александровым.

Преждевременная смерть унесла в могилу хорошего нашего товарища, пусть будет ему пухом чужая земля.

На похоронах присутствовала приехавшая из Белграда Белградская Студенческая станица в лице своих членов Правления и студентов-казаков, а так-же два вновь произведенных офицера-казака: сербск. подпоручики Татаркин и Корнеев.

В Белграде.

В воскресенье, 14 апреля, в Белградской православной церкви состоялась панихида, заказанная студенческой станицей, по преждевременно скончавшимся молодым казакам: Юрии Гончарове и Александре Александрове (Дуракове).

Панихида по Ю. Гончарове.

Об'единенные казачьи организации в сороковой день кончины казачьего поэта Юрия Федоровича Гончарова 28-го апреля в 11½ ч. утра, по окончании литургии, отслужит панихиду на могиле покойного на Ольшанском православном кладбище.

Еще один.

21 с. марта, после кратковременной, но тяжелой болезни (перелом ноги во время работы на фабрике „Uzina Titan“) в Румынии скончался от заражения крови сотник в. Донского, Константиновской станицы, Исай Родионович Панчехин.

Покойный, как старообрядец, погребен на старообрядческом кладбище, в г. Галаце.

С глубоким прискорбием извещают казаки в Румынии.

М. Г. Господин Редактор!

Покорнейше просим поместить в журнале „В. К.“ заявление об уходе нашем из „Литературной Казачьей Семьи“.

Константин Поляков.
Алексей Персидсков.

Уход из „Лит. Семьи“.

По случайному недосмотру редакции, не было своевременно помещено заявление Вл. Куртина, о его уходе из „Лит. Семьи“. Настоящим исправляем этот недосмотр.

В Казачьих Землях.

Из печати.

В московском ежемесячнике „Народное Просвещение“ за февраль текущего года помещена статья Розина „Воспитание казачества“, (письмо из Ростова). Некоторыми своими замечаниями эта статья может быть интересна и для наших читателей, а потому вкратце изложим наиболее существенные наблюдения г. Розина.

Автору в Ростове местные коммунисты сообщали о Казаках: „Середняки то они середняки, но казаки... И бедняк-казак не свободен от понятий о казачьей части“. На литературном вечере в Ростове молодой казачий поэт Абрамов, совсем рабфаковец по внешности, обдает слушателей горячим и прямо талантливым стихом о голубой казачьей горнице. Его, горожанина, родившегося в степи, быстро покоряют дымящиеся щи, желтое вино своих садов, казачка Еремеевна, пожилая хранительница устоев казачьих. „Казак — казачок“ (ковычки принадлежат Розину) пускается в бешеную пляску, которая зачеркивает влияние коммунистического (?) Ростова и его победы над Казачеством.

Коммунистка Лерт, посланная в Грушевку партией, встречает резкое любопытство каменнобродского „казачка“: „а скажите, вы не еврейка случайно?“

Казачата школьники на вопрос о том, какие праздники они знают и соблюдают, отвечают: Варвару, Йдигитрия, Перво-Май, Григория Богослова, Рождество, Октябрь. Религиозность всех возрастов станицы значительно выше, чем в крестьянстве.

Когда в этом году завшколой I ступени станицы Заплавской, Новочерк. района сунулся в антирелигиозные беседы с ребятами и попытался создать кружок и уголок безбожника, то он встретил сплошное сопротивление всего населения. В школу явилась вся масса взрослых, не только родителей. Разговор с заведующим был простой.

— Зачем вы обижаете нашего Бога? Что хотите с нас берите — самообложение, налог, только не трогайте нашего Бога. Иначе заберем детей.

В школах клички „чига“ и „хохол-мазница“ являются обычной формой обращения у значительной части молодежи. Крестянские ребята в свою очередь дразнят казачат местными прозвищами: „гужееды“, „раки“. В Грушевской станице ребята-казаки оказались „штрейкбрехерами“ спаянной казачьей части школы; они завели дружбу с ребятами-крестьянами. После этого они заслужили от своих станичников кличку „хохлов“ и недвусмысленную враждебность.

Учащиеся хоть и принадлежат к одинаково бедным (в общежитии только беднота и лишь отчасти середняки), но споры между ними об исторической роли казаков и крестьян в революции мало чем отличаются от обычных сословных дискуссий:

— Вы — палачи.

А в ответ: „хамы, так вам и надо“ и т. п.

Розин горько жалуется на отсутствие подходящей литературы для казаков. Партия издала лишь книжку Михаила Донецкого, где донскому казаку растолковывают его „положение в революции“ и книжку Лолы — для кубанцев. Жалуется Розин на украинский перевод повести Серафимовича „Железный поток“, о красных партизанах на Кубани в 1918 г. Пожалуйте, ведь слово „иногородний“ в украинском переводе значит „чужеземец“ „Такой перевод только подольет масла в огонь“ — скорбит Розин.

Много читают „Тихий Дон“ Шолохова. Зачитываясь Шолоховым, станичные коммунисты не спешат с открытым признанием „Тихого Дона“. Они, видите ли, смущены двойственностью советской критики в отношении романа Шолохова. Чтобы использовать этот роман, Розин советует: „бросить ортодоксальное лицемерие с „Тихим Доном“, а взять его в работу, переиздавать, сокращать, понятно комментировать, пустить на экран. Плохие, на взгляд Розина, песни поет молодая станица. Как еще, далеко не худший пример Розин приводит:

И привел шинкарку казак на Тихий Дон. Повесил шинкарку на высоку сосну.

Наконец, Розин рассказывает такую „ужасную“ для него историю.

„Один из учащихся III курса Донтехникума ничего ровно не слышал о социально-экономических различиях между верховым и низовым Казачеством. Зато он твердо усвоил подленькую теорийку о благородном происхождении низового Казачества (к которому сам принадлежит) чуть не от Августа-Кесаря:

— Мы другие, у нас тип не русский.

Да, есть „научное“ изыскание, которое спутало нашего парня.

Влиянию вредной книжки, которая все еще ходит по рукам, не противопоставлены хотя бы выдержки из М. Н. Покровского, для станицы обработанные“.

Совкартинка с Дона.

...Приехал ко мне на днях мой старый приятель чех, имел в Ростове небольшую механическую мастерскую, так тысяч за пятнадцать рублей, еще довоенную. Разумеется ее национализировали, а потом как пришел НЭП, так разрешили старому хозяину работать в ней, как заведующему на артельных началах. А артель то там может быть не менее как из пяти душ и обязательно коммунист должен быть в ней. Так вот и работали: все получали содержание по ставкам профсоюза, хозяину за пользование отчисляли 600 руб. в год, а излишки от заработка должны были сдавать в профсоюз, иначе никак нельзя.

Коммунист в артели был не вредный, да он осенью ушел, а на его место прислали другого — комсомольца Тот и решил выжить хозяина, а надо было под закон подвести, потому хозяин то тоже в профсоюзе состоял, и подвели. Нашли что он получает свои 600 руб. в год, как нетрудовой доход, а следовательно эксплоатирует чужой труд, а эксплоататор не может состоять в профсоюзе, а кто не состоит в нем тот не может быть в артели.

Видит Франц Францевич, что дело плохо и решил поехать домой на Мораву — поосмотреться, подыскать дело, а потом вернуться в Ростов ликвидировать мастерскую, да и обратно в республику. Советы его пустили, дали паспорт на два месяца, а когда тот пошел в консульство за визой на обратный в'езд, ему и сообщили: воспрещено возвратиться на Дон.

А через неделю пишут и из Ростова, что мастерскую его взяли в Машинтрест, в зачет полученных им раньше аммортизационных по 600 руб. в год. Так и остался Франц Францевич непричем — тем хоть, как „зав“ своего же добра и мастер имел 90 руб. в месяц, да 50 — „нетрудовой“ аренды, а теперь ни рубля, ни работы...

На Кубани.

...Теснят сейчас нашего брата здорово: Аню уволили со службы потому, что ее брат из Бразилии писал домой письма, а они ведь были осторожны, уже с год с ним не переписывались, да и вообще просили никого из-заграницы не писать им — не помогло.

Не везет и Павлу — только вот теперь восстановили в правах, но его участь будет всегда печальна, т. к. он ни в каком союзе не состоит: раньше как поднадзорному нельзя было, а теперь проникнуть в союз почти невозможно, а ведь он служил и советам: как только кончил учебное заведение, так был письмоводителем в нашем станичном правлении (исполкоме), потом некоторых учителей, чиновников и его арестовали и сослали, пришлось посидеть ему по тюрьмам года три — в Майкопе, Армавире, Ростове и на севере России, а когда выпустили, то зачислили в красную армию на Урале, в какой то рабочий баталион, даже начальством там был, но баталион скоро расформировали; предлагали в действительную армию, но он не имел склонности служить советам и отказался, и с того момента превратился в поднадзорного босяка, а пожалуй, если бы пошел служить, то, как образованный человек, достиг бы уже не малых командных чинов.

Вообще канцелярская специальность мало теперь устраивает людей, такая масса наросла теперь полуграмотного „пролетария“, который в чести большой, что нам, „бывшим людям“, и дома места нет, вот и гоняют во всю.

Девочкам еще ничего, те хоть замуж выходят, а вот мужчинам плохо. Зина два месяца тому вышла за учителя и, конечно, по расписке, ибо у нас по настоящему женятся теперь только „независимые“ люди — торговцы, парикмахеры, хлеборобы и т. п., а прочие боятся и мимо церкви пройти, не то что там венчаться; религия же у нас в загоне; пусть-ка какой нибудь „рабпрос“ попробовал просто пойти в церковь — живо вылетит со службы, если не успел этого еще сделать по другим причинам, например, по происхождению от помещика, или торговца, или допотопного офицера и т. д. За свое существование дрожат у нас люди с высшим образованием, а не то что бухгалтеры, землемеры, канцеляристы — это мелочь...

Как добывают хлеб в Катеринодаре.

...Теперь вот у нас опять началася музыка — с конца марта начали выдавать карточки на хлеб, а с первого марта получаем по ним 1 фунт в день на человека. Фунта то я не с'ем, да лишь бы доброкачественный был, да не стоять бы за ним в очереди до изнеможения. Бывало, в прошлом году, добьюсь хлеба, принесу да и брошу его, а сама еле до постели доберусь, больная стану, какая тут еда. Года два назад был у нас хлеб ржаной — 3 коп. фунт, пеклеванный — 4, а с прошлогодней весенней голодовки 6—7 коп., тогда до нового урожая бегали высунувши язык по пекарням, в очередях по несколько часов торчали, а хлеб получали цветом то похожий, а вкус — унеси ты мое горе, со всякими отбросами. Я чуть было катарра с ним не нажила, да благо вскоре появились благодетели армяне, с каким то хоть и серым и дорогим, но пшеничным хлебом и я стала у них покупать и избавилась от болей.

Теперь вот, чтобы выхлопотать себе хлебную книжку, я потратила два дня, если бы не удостоверение племянницы, что на ее иждивении состою, так и не дали бы; как знаешь так и кормись неорганизованная масса, хоть бы тебе в субботу сто лет кончалось, а мне уже до них и не далеко. Сперва простояла в очередях семь часов и из за пустяковой формалистики не дали, пришла разбитая совсем, думала, что на другой день и не выйду, а 31-го был последний день — не получить, значит апрель без хлеба, а там смотри еще какая нибудь формальность. Но во второй день мне повезло, простояла с утра до 4-х и получила книжку, но тоже пришла хороша — руки, ноги дрожат, голова от крика разболелась; почки и селезенка, верно, от стояния долгого разболелись; ноги застыли на мокром тротуаре стоявши, хоть и тепло одеты были; и хоть с утра ничего не ела, все же не могла есть, а прежде легла отдохнуть. Так то вот теперь достается на Кубани хлеб.

А пока еще в продаже у частников есть хлеб, так решила, что буду есть по $^1/_4$ фунта в день, а в очередях стоять не буду.

Теперь еще новость — исчез из продажи сахар; я поймала себе 2 кило „с нагрузкой“ двух коробок по $^1/_2$ фунта препоганого кофе за 6 руб. фунт, счастливый случай представился, ну, хоть теперь пародию на настоящий кофе пить буду, а то и такого не было — все ячменным пробавлялись. Взяла бы и больше да не было, думала на следующий день захвачу где нибудь еще, сунулась потом да уже и не было, исчез и у частников, верно расхватали, а в „основах“ дают только по книжкам, а я таковой не имею.

Говорят, что будто это временное затруднение, а чорт его знает, у нас всегда так, что временное тянется очень подолгу; на месяц обеспечена, а там видно будет; так и живем теперь — хватай, лови (манufактуру, кожу, которых сейчас и совсем нет), как собака.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“. Кн. 2.

Печатается книга

И. Ф. БЫКАДОРОВА

I. Историческая жизнь на Востоке Европы и происхождение Казачества.
II. Образование вольных казачьих республик (Донского, Волжского, Яицкого и Терско-Гребенского Войск), и основы их существования в период государственной независимости (до 1671 года).

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	$1^1/_2$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24 ,Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0·75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Terentij Starikov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 54197-VII.-1929. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer. Praha-Strašnice č. 144.